

АФАНАСЕВ

ЗАБЫТАЯ
ИСТОРИЯ

A $\frac{170}{1017}$

A 110
1017

1017.
РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
А. С. АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКАГО.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

РАЗСКАЗЪ

21/17
mm

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

РАЗСКАЗЪ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе

22 Садовая улица 22

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го октября 1892 г.

59930

2007088760

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ.

РАЗСКАЗЪ.

Во всѣхъ слояхъ общества, находящагося даже на самой низкой ступени цивилизаціи, съ незапамятныхъ временъ существовали разнаго рода игры, имѣющія цѣлью — матеріальное пріобрѣтеніе, — игры, въ которыхъ съ помощью простой или сложной комбинаціи костей, картъ, шаровъ, шашекъ и съ помощью искусства управлять поименованными предметами, — человекъ выигрываетъ деньги, всегда служившія источникомъ желанія.

Чѣмъ образованнѣе общество, тѣмъ игры утонченнѣе, разнообразнѣе и определеннѣе ихъ, хотя бы только у насъ въ Россіи, отъ простой орлянки до утонченнаго бостона, потребовало бы не мало труда, специальныхъ познаній и, разумѣется, времени. Однѣ картежныя игры представляютъ самый разнообразный выборъ, и мы, не вдаваясь въ подробную ихъ оцѣнку, приведемъ только одинъ перечень, который покажетъ, что передъ нами, цѣлая, такъ сказать, наука, имѣющая свою исторію, даже литературу, и требующая какъ specialнаго знакомства, такъ и долговременнаго изученія. Нѣтъ той игры, въ которую нельзя было бы играть на деньги, слѣдовательно, не должно пропускать ни одной изъ нихъ, и если есть игры, вышедшія изъ употребленія, то изъ этого еще нельзя заключать, чтобы онѣ канули въ вѣчность и снова не возродились въ обществѣ, чему и бывали примѣры. Смѣло можно быть увѣреннымъ, что пока существуютъ карты, то каждая изъ игръ, прежде изобрѣтенныхъ, хотя бы она находилась въ забвеніи сотни лѣтъ, непременно возникнетъ съ какимъ нибудь усовершенствованіемъ.

емъ, а иногда и въ первобытномъ видѣ. Кто слѣдилъ за этимъ дѣломъ въ послѣднее время, у того на глазахъ совершались различныя метаморфозы съ самыми старинными играми, которыя, возрождаясь и совершенствуясь, мало отходили отъ первоначальнаго типа.

Вотъ вамъ названія игръ — бывшихъ и находящихся у насъ въ употребленіи съ начала столѣтій: трилистикъ, (иначе — подкаретная), дурачки, свои козыри-мельникъ, короли, фюфанъ, юрдонъ, марьяжъ, пикетъ, экарте, тентере, каламбриестъ, дружбартъ, вистъ, бостонъ, гальбикъ (гальбцвельфъ), ландскнехтъ (дябелэкъ), банкъ (фаронъ), стосъ, квинтичъ, мушка, кончинка, цхра, безикъ, ломберъ, палки, преферансъ, ералашъ, рамсъ, стуколка, макао. Икоторыя только видоизмѣненія прежнихъ, какъ напримѣръ — палки происходятъ изъ тентере, ералашъ изъ виста, стуколка заимствована изъ подкаретной. Иначе и быть не можетъ, ибо ничто не подвержено застою, а тѣмъ болѣе, картежныя игры, которыя давно уже утратили характеръ препровожденія времени, и служатъ легкимъ способомъ пріобрѣтенія денегъ, а для икоторыхъ даже средствомъ не только существованія, но и обогащенія. Большинству, вѣроятно, извѣстно, что игры раздѣляются на азартныя и коммерческія т. е. одні изъ нихъ предоставляютъ выигрышъ чистю случаю и счастьемъ, — другія же, требуя искуснаго пониманія и соображенія — благоприятствуютъ только игроку, обладающему этими качествами. Безспорно, что и въ коммерческихъ играхъ необходимо счастье, но здѣсь умѣнье, можно сказать, почти равняется фортунѣ. Въ азартныхъ играхъ все искусство состоитъ въ способности — выдержать себя и не поддаваться увлеченію, потому что выигрышъ или проигрышъ заключаются не въ соображеніи, не въ томъ или въ другомъ ходѣ игрока, рѣшающемъ побѣду или поражение, а просто въ укладкѣ картъ, которыя слагаются случайно при тасовкѣ и которыя имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Азартными играми считаются всѣ неизмѣющія козырей, какъ: банкъ, стосъ, ландскнехтъ, палки и другія; но опредѣленіе это болѣе общее, ибо и каждую козырную игру можно обратить въ высшей степени азартную, введя въ нее пари, или обусловивъ ее ремизами, какъ, напримѣръ, стуколка, въ которой невозможно даже приблизительно опредѣлить степень проигрыша. Во всякомъ случаѣ, дѣленіе игръ на азартныя и неазартныя существуетъ, хотя палки, неизмѣющія козырей, игра могущая повести къ громадному проигрышу, допускается во всѣхъ публич-

ныхъ собраніяхъ. Законодательство преслѣдуетъ только игры, стѣжавшія себѣ уже давнишнюю извѣстность разорительнымъ характеромъ и запрещаетъ преимущественно: банкъ, стосъ, ландскнехтъ и въ послѣднее время стуколку, предѣль которой положенъ на дняхъ по распоряженію высшей администраціи. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти распоряженія относятся къ публичнымъ собраніямъ, собственно къ клубамъ, а въ частныхъ домахъ существовали и существуютъ всѣ, вообще, игры, и есть дома, въ которыхъ собираются преимущественно для игръ азартныхъ, какъ ведущихъ ближе къ цѣли.

До сихъ поръ мы говорили о картежной игрѣ, представляющей возможность легкимъ способомъ приобритать деньги, какъ объ игрѣ, въ которой считали два условія: счастье и умѣнье. Но это лишь одна теорія, потому что, съ незапамятныхъ тоже временъ, во всѣ картежныя игры, какъ азартныя, такъ и коммерческія, вошелъ элементъ особаго искусства, основаннаго на плутовствѣ, именуемомъ, вообще, шуллерствомъ, которое дѣлаетъ всякую игру опасною для человѣка играющаго честно и рассчитывающаго только на счастье и на умѣнье. Шуллерство занимаетъ весьма важное мѣсто въ области картежныхъ игръ, чтобы не обрисовать его хоть въ довольно краткомъ видѣ, и, если, положимъ, мы своимъ рассказомъ не въ состояніи не только уничтожить этого постыднаго ремесла, но даже уменьшить вредное его вліяніе, вообще, то, кто знаетъ, не подѣйствуетъ ли хоть на отдѣльныя личности, которыя увидятъ въ настоящемъ свѣтѣ ту блестящую и обманчивую иногда обстановку, какия заставляютъ ихъ смотреть на вещи съ крайне оптимистической точки зрѣнія.

Въ обществахъ существуетъ два рода игроковъ, въ которыхъ надо строго различать, именно игроки, преданные картамъ всею душою, до мѣлга костей, страстные, невидящіе въ мірѣ ничего выше картъ, готовые проигратъ до нитки, но играющіе честно, рассчитывающіе на счастье и искусство. Сюда же принадлежатъ и люди, которые, по своему образованію и развитію, презираютъ въ душѣ игру, считаютъ ее печальнымъ, отупляющимъ средствомъ убивать разумную жизнь, но, бывъ лишены матеріальныхъ способовъ къ существованію и вмѣстѣ обладали замѣчательными познаніями и опытностью въ играхъ всякаго рода, проводятъ цѣлыя дни за картами и извлекаютъ себѣ порядочную выгоду, но тоже слѣдуютъ принципу безукоризненной честности. Мы, вообще, не защитники

цессъ преферанса. Специалисты готовятъ нѣсколько подобныхъ вѣщюкъ, и въ глубинѣ широкихъ кармановъ пальто у низка шуллера можно найти постоянно различныя необходимыя принадлежности, изобрѣтенныя для привлеченія слѣпой фортуны. Въ каждой коммерческой игрѣ искусный шуллеръ, умѣющій плутовать при задачѣ и тасовкѣ, и притомъ отлично понимающій процессъ самой игры (шуллера, по большей части, превосходные игроки) имѣетъ на своей сторонѣ всѣ шансы противъ партнера, вѣбрюющагося только счастьемъ и честному искусству. Объ азартныхъ играхъ и говорить нечего: здѣсь настоящее поле для шуллеровъ, которые, вступивъ въ соглашеніе, могутъ до такой степени замаскировать мошенничество и обставить его такимъ образомъ, что большинство, очертя голову, само лѣзетъ въ петлю и проигрываетъ деньги, вполне убѣждено собственно только въ несчастіи. Шуллера, вполне постигающіе тактику и стратегію зеленого поля, а нѣкоторые изъ нихъ, индивидуумы высшаго полета, мгновенно обнимающіе нравственную сторону игроковъ и, слѣдовательно, знающіе, какъ и чѣмъ на кого дѣйствовать, располагаютъ боемъ по своему усмотрѣнію. Случается, что гениальные вожди шуллеровъ, искусными маневрами впрочемъ оттягиваютъ моменты побѣды, даютъ переходить счастьемъ и на противную сторону, и уже какимъ нибудь, ловко рассчитаннымъ, ударомъ, совершенно похожимъ на случайность, разбиваютъ непріятеля.

Мы вполне убѣждены, что людямъ опытнымъ все это болѣе или менѣе извѣстно, потому что кто же на вѣку не встрѣчался съ этими, иногда, впрочемъ, блестящими по наружности подонками человѣчества; но мы и не пишемъ для людей опытныхъ, выдавшихъ, какъ говорится, нозды, а хотимъ познакомить пылкую, увлекающуюся молодежь съ тѣми пучинами, какія представляютъ ей современное общество.

Шуллера раздѣляютъ на двѣ категоріи (мы не говоримъ о степени совершенства плутней въ картахъ): на техниковъ, дѣйствующихъ руками, глазами, телеграфными знаками, однимъ словомъ, на людей, обманывающихъ жертву всѣми способами за зеленымъ столомъ, и на теоретиковъ, т. е. индивидуумовъ, которые хотя и знаютъ каждую почти, мошенническую, штуку, но не могутъ сами ни подтасовать, ни передернуть и даже плохо играютъ въ коммерческія игры. Но эти теоретики гораздо опаснѣе.

Они-то служатъ приближенцемъ для шуллеровъ-техниковъ, прискиваютъ для послѣднихъ работу, нѣрѣдко пользуясь въ-

вѣстными вѣсомъ въ обществѣ, собираютъ у себя большой кругъ посѣтителей и, участвуя въ долгія каждыя шуллеромъ, занятымъ какою бы то ни было игрою, очищаютъ карманы и у друзей, и у недруговъ. Такіе теоретики (мы все-таки просимъ читатели придавать этому слову смыслъ, нами ограниченный) существуютъ во всѣхъ слояхъ общества, и чѣмъ подобный господинъ стоитъ выше, чѣмъ онъ образованнѣе, вкрадчивѣе, мягче, обязательнѣе, тѣмъ онъ опаснѣе, потому что, завлекая жертву, и окружая ее не только возможнымъ комфортомъ, но даже роскошью, тѣмъ вѣрнѣе ведетъ ее къ гибели, т. е. къ раззоренію. Молодые, богатые люди, какъ нарочно, поддаются всего охотнѣе обаянію описываемыхъ личностей, и, конечно, большинство первыхъ горькимъ опытомъ доходить до убѣжденія, что ихъ нагло обманули, однако, убѣжденіе горькаго опыта является иногда довольно поздно, а иной разъ и очень поздно, когда уже проиграна значительная часть состоянія. Частныхъ игорныхъ домовъ существуетъ много, и если исключить изъ нихъ такіе, гдѣ ведется игра безъ обмана, то остальные положительно служатъ шуллерамъ легкимъ средствомъ обогащать себя и своихъ патроновъ на счетъ доверчивыхъ и увлекающихся посѣтителей. Нерѣдко вамъ случалось видѣть на Невскомъ великолѣпный экипажъ, запряженный чудными рысаками и въ этомъ экипажѣ богато одѣтаго господина съ брилліантовыми булавками и запонками. Кто нибудь, положимъ, изъ вашихъ знакомыхъ раскланивается съ личностью, возсѣдающею въ щегольскомъ экипажѣ, и на вопросъ вашъ: «кто этотъ господинъ?» отвѣтитъ: «извѣстный шуллеръ». Кто онъ? откуда? часто покрыто мракомъ неизвѣстности—преимущественно, это помѣщики разныхъ губерній, какъ они себя называютъ; откуда у него являются громадные средства къ жизни—тоже остается тайною. Но тѣмъ не менѣе подобный джентльменъ задаетъ роскошнѣйшій обѣдъ на пятьдесятъ человѣкъ, даритъ камелинъ браслетъ въ двѣсти, триста рублей, не поморщившись, и въ случаѣ надобности найдетъ десятки, другой тысячу наличными деньгами. Нѣкоторые, болѣе ловкіе, придумываютъ для себя какое нибудь социальное положеніе и обставляются такимъ образомъ, что доходы ихъ вытекаютъ будто бы изъ извѣстнаго занятія; но это чистѣйшій пуфъ, потому что надобно слишкомъ огромную торговлю, которая позволяла бы имѣть квартиру въ нѣсколько тысячъ, экипажъ, многочисленную прислугу и постоянно разливное море. Вѣдь на игорныхъ вечерахъ—тотъ же клубъ

и, пожалуй, еще съ большимъ комфортомъ, съ тою только разницею, что вамъ подадутъ все требуемое даромъ и съ особенною любезностью. Вы, напримѣръ, выгодный субъектъ, т. е. у васъ въ карманѣ наличными тысячи двѣ, три, да вамъ можно дать столько же на слово, въ случаѣ проигрыша, и вы на иномъ игорномъ вечерѣ можете занять самыя чудовищныя, даже безобразныя требованія, и они будутъ удовлетворены самымъ внимательнымъ образомъ. Былъ, напримѣръ, одинъ игрокъ, которому бросить тысячу, другую рублей не составляло расчета, и надо было видѣть, какъ за нимъ ухаживали шуллера-техники, а въ особенности теоретики. Не говоримъ уже, что этотъ господинъ имѣлъ привычку находить у себя постоянно подъ рукою стаканъ шампанскаго съ сельтерской водой — эта вещь не составляетъ еще большой важности; но у него была любимая собака, которая всегда лежала у его ногъ во время игры. Монриво — такъ назывался пудель — пользовался у шуллеровъ подобострастіемъ не меньше того, какое расточалось его господину; многіе изъ нихъ не только ласкали его, но и цѣловали ему морду, а въ одномъ игорномъ доми ему подстизали богато вышитую подушку и приносили самыя лучшіе куски изыскавннй дичи. Относительно прислуги въ игорныхъ домахъ можно сказать, что съ нею не могутъ сравниться лакеи лучшихъ клубовъ: для этой цѣли выбирается народъ крайне вѣжливый и тонкій, потому что иные изъ лакеевъ посвящены въ кое какія тайны и служатъ незамѣтными орудіями ловкаго мошенничества своихъ господъ; кромѣ того нѣкоторые играютъ роль шпионовъ и развѣдываютъ домашнюю жизнь того или другаго субъекта, разумѣется, если это можно сдѣлать только путемъ передней и кухни. Для послѣдней надобности, впрочемъ, существуютъ цѣлыя полки низшаго разряда шуллеровъ и личностей, одицетворенныхъ въ фигурѣ Расплюева, которые подготовляютъ почву для шуллеровъ вышшаго разряда и пользуются частіями дохода, смотря по своей ловкости и способностямъ. Наконецъ, есть еще одно подраздѣленіе, безъ котораго шуллерамъ было бы не весьма удобно, и которое всецѣло примыкаетъ къ шуллерамъ-теоретикамъ, это сводчики, ищейки и разныя другіе персонажи обонхъ половъ и возрастовъ, рассыпанные во всѣхъ слояхъ общества для открытія золотопосыныхъ жилъ и для наведенія востонцахъ мастеровъ на путь къ этимъ жиламъ. Вы ихъ можете видѣть и въ клубахъ. Они или вовсе не играютъ, или играютъ неохотно, но не

отходить от карточных столов, проникательным взором слѣдя за игрою и высматривая, у кого сколько денегъ, кто, наконецъ, какъ играетъ. Знакомство завязывается легко; мало по малу, ищайка вступаетъ въ разговоры, и между прочимъ, начинаетъ высказывать мысль, что въ частныхъ домахъ играть гораздо пріятнѣе, что тамъ больше все знакомые, не платится никакого штрафа, хоть сиди до разсѣта, можно перекинуться направо и налево, и замѣтить, что у него есть два, три знакомыхъ дома, гдѣ онъ бываетъ каждую недѣлю. Любителю направо и налево, конечно, хотѣлось бы поиграть, и вотъ знакомство съ игорнымъ домомъ устраивается, и жертва отнесетъ въ нѣсколько разъ туда всѣ свои наличныя деньги, а иногда и заложить у ростовщика вещи, въ надеждѣ отыграться, но которой никогда не суждено осуществиться, потому что бѣдняка обыгрываютъ навѣрную. Искусныя ищайки посылаются въ лучшія гостиницы, куда приливаютъ массы прѣзжихихъ, и на ихъ обязанности лежитъ проноухивать, не прѣехалъ ли богатый человѣкъ, чтобы на первыхъ же порахъ завлечь его къ своему патрону и не допустить другимъ ищайкамъ направить добычу къ шуллерамъ иной ассоціи.

Ловко обставленные и ежедневно упражняющіеся въ своемъ плутовствѣ шуллера до тѣхъ поръ благоденствуютъ, пока не произойдетъ какой нибудь катастрофы, вслѣдствіе того, что который нибудь изъ нихъ поймается, по случаю распри, возникшей въ средѣ ихъ. Тогда иные теряютъ все, изгоняются товарищами и бѣдствуютъ, пока случай не столкнетъ ихъ съ другою шайкою, которая не откажетъ дать кусокъ хлѣба собрату, или уѣзжаютъ въ провинцію сколачивать самостоятельный капиталецъ для поправленія обстоятельствъ. Кончаютъ же всѣ, по больше части, скверно, и рѣдко, очень рѣдко, чтобы шуллеръ, составивъ мошенничествомъ состояніе, удержался въ границахъ и дожилъ вѣкъ въ достаткѣ, собранномъ безсчастными средствами. Нельзя говорить утвердительно обо всѣхъ, но большая часть настоящихъ, клейменныхъ шуллеровъ, если не готовы непосредственно на уголовныя преступленія, то не откажутся участвовать въ разныхъ дѣлахъ, послѣдствіями которыхъ бывають лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а порою и прогулка по Владимірскѣ. Но повторяемъ, въ обществѣ это самыя любезныя люди, а у себя дома обязательные и радушные хозяева.

Мы присѣли съ цѣлью написать разсказъ, или, вѣрнѣе, истинное происшествіе изъ шуллерскаго быта, но прежде счи-

тали необходимымъ бросить взглядъ, вообще, на игру, сдѣлавшуюся неотъемлемою принадлежностью каждаго собранія, и въ частности на тѣхъ специалистовъ, которые изъ этой слабости человечества сдѣлали вѣрный источникъ дохода.

Лѣтъ десять тому назадъ, къ одной изъ лучшихъ гостиницъ Петербурга подъѣхала извожничья карета, привезшая съ московской желѣзной дороги двухъ пассажировъ. Оба были молоды, но въ ихъ костюмахъ замѣчалось значительная разница. Одинъ былъ одѣтъ въ богатую медвѣжью шубу и бобровую шапку, а другой жали въ потертomъ ваточномъ пальто и какой-то неуклюжей теплой фуражкѣ, очевидно фабрикованной гдѣ нибудь въ Рязани или въ Воронежѣ. Первый бодро пошелъ по роскошной лѣстницѣ, какъ бы ожидая на каждомъ шагѣ поклоновъ прислуги, и громко требовалъ лучшаго номера; а второй робко слѣдовалъ за своимъ спутникомъ, потупивъ глаза, но стараясь не отставать, очевидно съ боязнью, чтобы офицанты не приняли его за какого нибудь попрошайку и не наговорили неприяностей. Скоро былъ отворенъ великолѣпный номеръ въ нѣсколько комнатъ, и путешественники, очутившись въ теплой захѣ, первымъ дѣломъ принялись освобождать себя отъ дорожной одежды. Тотъ изъ нихъ, который былъ въ медвѣжьей шубѣ и котораго мы назовемъ Хильковымъ, снявъ зимній уборъ, остался въ щегольскомъ пиджакѣ и, вообще, въ безукоризненномъ костюмѣ, а спутникъ его, Калубинъ, очутился въ неуклюжемъ скюртучникѣ, поношенныхъ панталонахъ и какомъ-то малиновомъ полиняломъ жилетѣ. Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ Хильковъ не разъ выражалъ неудовольствіе на своего камердинера, замедлившаго съ вещами; но когда служитель внесъ чайный приборъ, поставилъ его передъ путешественниками и вышелъ изъ номера, Хильковъ пригласилъ товарища заняться пока чаепитіемъ.

— Садитесь, Калубинъ, сказалъ онъ, и, Бога ради, оставьте эти нехлѣбныя церемоніи. Неужели за два дня вы еще меня не узнали и, противъ моей воли, хотите видѣть какое то различіе между нами?

Калубинъ повеселѣлъ и началъ разливать чай.

— Я совершенно не церемонюсь, но согласитесь, что такой странный случай...

— Э, полноте! Я очень радъ, что могу услужить и даже больше нежели радъ, ибо чувствую къ вамъ истинное расположеніе.

Кадубинъ не отвѣчалъ, при томъ же вскорѣ явился камердинеръ Хилькова, и въ квартирѣ поднялась возня, необходимая при устройствѣ хоть и временнаго жилища. Мы воспользуемся этимъ, чтобы хоть вкратцѣ очертить какъ личности обоихъ спутниковъ, такъ и обстоятельства, подготовившія эту встрѣчу, которая впоследствии имѣла для обоихъ чрезвычайно важное значеніе.

Алексѣй Ивановичъ Хильковъ, сынъ очень богатаго купца, съ дѣтства готовился къ служебной карьерѣ и потому не только не былъ посвященъ въ тайны торговли, а, напротивъ, ее представляли передъ нимъ какъ нѣчто несовмѣстимое съ достоинствомъ образованнаго человѣка. Таково было убѣжденіе отца его, который ничего не зналъ дальше русской грамоты, но уважалъ науку собственно потому, что она давала средства приобретать чины, ордена и дворянское достоинство. Онъ только и бредилъ, чтобы его Лѣша получилъ дипломъ и опредѣлился въ гвардію или, пожалуй, хоть чиновникомъ особыхъ порученій къ своему же губернатору, и твердо былъ убѣжденъ, что служебная карьера его сына будетъ упрочена съ помощью тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя удалось ему собрать въ теченіе долгой и трудовой жизни. Мать Лѣши, простая безотыѣтная женщина, смотрѣла на все глазами мужа и потому не обнаруживала никакой оппозиціи. Нѣкоторые родственники пытались, было, урезонивать старика Хилькова и доказывать общими мѣстами и извѣстными пословицами, что сыну его лучше оставаться въ дѣдовской профессіи; но человѣкъ его закала, забравшій что нибудь въ голову, отрѣшается отъ своихъ убѣжденій, развѣ въ силу какихъ нибудь крайне исключительныхъ обстоятельствъ. Кто знаетъ, можетъ быть, эти самые совѣты еще болѣе укрѣпили въ немъ мысль сдѣлать изъ Лѣши дворянина, и онъ началъ ревностно преслѣдовать свое желаніе. Вслѣдствіе этого Лѣшу отдали въ лучшей губернской пансіонъ, въ которомъ, разумѣется, очень плохо учили всему, кромѣ французскаго языка, но достаточно для того, чтобы мальчикъ поступилъ въ гимназію, что впрочемъ, не представляло большаго затрудненія, ибо въ пансіонѣ преподавали учителя той же гимназіи, и при томъ старикъ Хильковъ умѣлъ дѣйствовать извѣстными вспомогательными средствами. Лѣша вышелъ, однако же, порядочный мальчикъ; онъ если и не чувствовалъ особеннаго призванія къ наукѣ, то на столько имѣлъ самолюбія, чтобы не отстать отъ товарищей, и сдать экзаменъ въ университетъ весьма удовлетворительно, приведя въ неописан-

ный восторгъ отца, который говорилъ въ близкомъ кругу, что имъ ассигновано было на эту статью три тысячи. Лёшу отправили въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, потому что въ томъ городѣ жилъ его дальній родственникъ, въ домѣ котораго предложена была квартира молодому студенту. Проходи юридическій факультетъ, молодой человѣкъ занимался безъ особаго рвенія, но и не пренебрегалъ наукою, какъ дѣлали иные изъ его богатыхъ товарищей, а время свое внѣ аудиторій проводилъ весело въ салонахъ чопорной губернской аристократіи. Особенныхъ кутежей Лёша не любилъ, и хоть получалъ отъ отца роскошное содержаніе, однако не моталъ денегъ и велъ себя довольно скромно. Бывали конечно, грѣшки — такъ одинъ разъ его поддѣли тысячи на три въ карты, но молодой Хильковъ сдѣлался осторожнѣе и окончилъ курсъ съ репутаціею добропорядочнаго юноши.

Когда Лёша возвратился домой съ дипломомъ дѣйствительнаго студента, отецъ его чуть не помѣшался отъ радости и задалъ пиръ на весь городъ въ честь его благородія, которому въ тотъ же день по разѣздѣ гостей вручилъ торжественно пять тысячъ — «кути, молъ, въ свою голову и хоть выбрось ихъ за окошко, — а мало, — еще прибавлю». Но Лёша не привыкъ швырять денегъ, а ведѣли черезъ двѣ началъ поговаривать, что ему надо бы съѣздить въ Москву и Питеръ, да не мѣшаетъ побывать и за границей. Старикъ соглашался на все, но прежде хотѣлъ видѣть сына въ мундирѣ. Нѣсколько времени длились переговоры. Лёша и самъ располагалъ поступить на службу въ Петербургъ, однако прежде желалъ бы провести хоть годъ въ чужихъ краяхъ, и ему удалось уговорить старика на томъ основаніи, что молодымъ людямъ, путешествовавшимъ за границей, больше шансовъ сразу получить выгодное мѣсто. На томъ и покончили. У старика было только двое дѣтей — сынъ Лёша и дочь Соня, оканчивавшая курсъ въ Одесскомъ институтѣ. Предполагено было молодому человѣку ѣхать въ Одессу. Но тутъ случилось весьма важное обстоятельство. Отецъ его, послѣ недавней болѣзни, покушалъ неумѣрено на имнинахъ у городского головы свѣжей осетринки и, не обративъ сперва вниманія на серьезныя послѣдствія этой неумѣренности, прибѣгнувъ къ медицинской помощи уже въ то время, когда познанія всѣхъ губернскихъ врачей пособить были не въ состояніи. Черезъ нѣсколько дней старика Хилькова не стало, и Лёша очутился наслѣдникомъ состоянія тысячъ въ триста слишкомъ, безъ долговъ, въ безъукоризненныхъ биле-

тахъ и въ разныхъ заведеніяхъ, которыхъ можно было капитализировать, кромѣ дома, наполненнаго въ избыткѣ всѣми необходимыми принадлежностями. Независимо отъ этого, покойникъ вручилъ женѣ сумму во сто тысячъ, назначенныхъ для дочери, съ условіемъ, чтобы старуха жила съ тѣмъ звѣдѣтей, съ кѣмъ будетъ ей угодно: т. е. оставалась бы у сына или переѣзжала къ дочери, если послѣдняя выйдетъ замужъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой катастрофы, Лѣша уѣхалъ прямо за границу. Мы не станемъ описывать ни впечатлѣній, какія произвели на молодого человѣка чужіе края, ни его приключеній, потому что пишемъ возможно коротенькую біографію Хилькова, имѣя въ виду заняться болѣе другою личностью, и свѣдѣнія о Лѣшѣ намъ необходимы для дополненія исторіи Калубина, которымъ и займемся нѣсколько подробнѣе.

Хильковъ устраивалъ такъ, что черезъ годъ возвратился къ матери, проводившей послѣ смерти мужа время, въ обществѣ разныхъ ханжей обоюга пола, и проживя съ нею недѣли двѣ, отправился прямо въ Одессу за сестрою, которая окончивала курсъ въ заведеніи. Онъ видѣлся уже съ нею на пути за границу. Сдавъ экзаменъ, Соня ожидала пріѣзда брата въ домѣ одной подруги, съ которою продолженіе всего курса онѣ жили душа въ душу, и мать которой предложила Хилькову помочь ему въ хлопотахъ относительно экзипровки молодой дѣвушки. Послѣдній чрезвычайно обрадовался, что съ него сваливалась подобная обуза, вынулъ только необходимую сумму, и началъ присматриваться къ своеобразному быту новороссійской столицы.

Молодой человѣкъ не вошелъ какъ-то во вкусъ празднои жизни, не смотри на значительныя средства, и жаждалъ какой-нибудь дѣятельности, которая и представлялась ему въ видѣ службы, но только въ Петербургѣ, гдѣ скорѣе всего можно составить карьеру. По возвращеніи домой съ молоденькою сестрою, онъ привадумался немного относительно будущности послѣдней на рукахъ у матери, хотя очень доброй и мягкой женщины, однако отупѣвшей подъ вліяніемъ постояннаго деспотизма и самодурства, и, слѣдовательно, совершенно неспособной руководить молодою дѣвушкою, получившею совершенно другое образованіе. Одно время онъ думалъ, было, остаться дома до выхода сестры замужъ, но скука въ родномъ городѣ, а болѣе атаки на него дражайшихъ родителей всѣхъ несовершенно-лѣтнихъ, зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ невѣсть—вынудили его скорѣе переселиться въ столицу. Ему, однако

же, удалось устроить сестру, воспользовавшись однимъ благопріятнымъ случаемъ. Мѣстный губернаторъ убавжалъ по болѣзни на годъ или на два за границу, и жена его хлопотала помѣстить въ какой нибудь порядочный домъ свою компаньонку — отлично образованную женщину, вдову какого-то профессора, наимѣншую никакихъ средствъ къ жизни. Хильковъ уговорилъ мать пригласить эту даму къ Сонѣ, и съ переездомъ ее къ себѣ въ домъ успокоился относительно сестры, которой разомъ обезпечивалъ и пріятную собесѣдницу, и опытную наставницу, и надежную спутницу на всѣхъ губернскихъ увеселеніяхъ. Матери и сестрѣ онъ предоставилъ свой домъ въ полное распоряженіе, назначивъ кромѣ того весьма пріличное содержаніе.

Устроить домашнія дѣла, Хильковъ выѣхалъ въ Петербургъ, но счелъ обязанностью провести хоть недѣлю въ Москвѣ, которая не могла не интересоваться его. Нѣсколько дней прошло въ осмотрѣ огромной столицы, въ обзорѣнн достопримѣчательностей, и когда онъ уже собирался выѣзжать въ Питеръ, то вспомнилъ, что у него были письма и посылки отъ сестры къ ея институтской подругѣ, которой онъ долженъ былъ передать какія-то тетрадки, перевязанныя пунцовою ленточкою.

Въ домѣ новыхъ знакомыхъ братъ Сони Хильковой былъ встрѣченъ весьма пріятливо. Семейство оказалось отличное, и Леша весьма пріятно провелъ вечеръ, даже едва не заинтересовался сестриной подругой, которая прекрасно пѣла и, вообще, произвела на Лешу выгодное впечатлѣніе. Послѣ чаю и послѣ оживленной бесѣды Хильковъ подумывалъ уже встаться за шляпу, какъ хорошенькая институтка робко подошла къ нему, довольно, впрочемъ, близко. Леша немного смѣшался; очевидно дѣвушка располагала ему сообщить что-то. Онъ даже готовъ былъ спросить — чего отъ него требовали.

— Monsieur, Хильковъ, начала дѣвушка, краснѣя, — не говорила ли вамъ Соня объ одной нашей талантливой, но бѣдной подругѣ, о Лизѣ Калубиной?

— Не помню, можетъ быть, и говорила. Но въ чемъ дѣло? спросилъ Хильковъ и отправился въ карманъ, рассчитывая не понадобится ли какаѣ нибудь помощь.

— Видите ли, Калубина тоже въ Москвѣ, живетъ у матери едва не въ подвалѣ. Надобно вамъ сказать, что она всегда была горда, а теперь нѣтъ и приступу. Я говорю на счетъ вспоможенія: ужъ какъ она любила меня и

Соню, а никогда не принимала никаких подарковъ. Вотъ и теперь, мы охотно иной разъ съ маменькой помогли бы ей, но она и слышать не хочетъ: «доставь, говорить, мѣсто гувернантки или хоть экономки, — буду благодарна, а подаяніемъ жить не хочу».

— И такъ? спросилъ Леша, желая узнать въ чемъ дѣло.

— У этой Лизы есть братъ, вынужденный изъ корпуса по болѣзни въ статскую службу, и не имѣеть средствъ къ жизни. Онъ служилъ въ какой-то губерніи въ канцеляріи у дяди, но этотъ дядя умеръ, и теперь бѣдный почти гнѣшкомъ пришелъ въ Москву.

— Можетъ быть, я могу быть полезенъ...

— Мы собрали ему кое-что, но сами не богаты, а вотъ, еслибъ въ память Сониной дружбы къ Лизѣ, вы сдѣлали бы одно одолженіе... Не довезете ли вы бѣдняка въ Петербургъ и не пристроите ли его на службу? У васъ, вѣроятно, есть связи...

Просьба была такъ наивна и дышала искренностью, а губки, проговорившія ее, придавали хорошенькому личику просительницы такое прелестное выраженіе, что Леша невольно воскликнулъ:

— О, съ большимъ удовольствіемъ.

Вслѣдствіе этого, Хильковъ приглашенъ былъ на другой день къ обѣду, за которымъ ему обѣщали представить protégé, и это было первое знакомство Хилькова съ Калубинымъ.

Не закаленный еще опытомъ жизни, не утративъ завидной способности сочувствовать нуждамъ ближняго, Хильковъ горячо принялъ къ сердцу судьбу молодого Калубина и далъ слово, какъ его хорошенькой покровительницѣ, такъ и себѣ самому вывести на дорогу молодого человѣка. На другой же день, рано утромъ, Калубинъ явился къ Хилькову и хотя послѣдній видѣлъ бѣдную одежду своего спутника, и рѣшился подновить его гардеробъ на мѣстѣ въ Петербургѣ, все-таки посидѣлъ съ собою въ первомъ классѣ и во весь путь оказывалъ ему самое дружеское вниманіе. Проведя вмѣстѣ сутки, молодые люди сблизились между собою, а такъ какъ во время разговоровъ Леша увидѣлъ, что спутникъ его былъ умный и скромный малый, то обстоятельство это еще болѣе расположило Хилькова въ пользу послѣдняго. Теперь, читатель, вамъ необходимо познакомиться съ личностью Калубина. Отецъ его былъ заслуженный офицеръ, честный человѣкъ, но имѣвшій несчастье пить запоемъ. Въ эти плачевныя минуты ста-

рик Калубинъ забывалъ все, бунилъ, ломалъ мебель, билъ посуду, разгонялъ семью, напивался до безобразія, и когда организмъ его не могъ уже долѣе выносить подобнаго излишества, тогда только несчастный впадалъ въ родъ какого-то ступѣня, мучился головою болью и вытрезвлялся окончательно. Разумѣется, онъ просилъ у жены на колѣняхъ прощенія, давалъ слово удерживаться отъ жалкаго порока, и, пока находился въ нормальномъ состояннн, — другаго такого добряка трудно было отыскать. Такъ проходилъ иногда годъ, и вдругъ маіоръ, по какому нибудь неожиданному поводу, выпивалъ лишнюю рюмку, и все летѣло вверхъ дномъ по прежнему, семья скиталась по деревнѣ у крестьянъ, пока оишь не проходила припадокъ. Говорятъ, что порокъ этотъ привился къ нему по выходѣ въ отставку, когда онъ поселился по соестдству съ двумя извѣстными пьяницами. Но это до насъ не касается. Мы только скажемъ, что старикъ Калубинъ и умеръ въ этомъ состояннн, выколовъ женѣ глазъ, выбросивъ за окно малютку дочь и ушибя полѣномъ голову сыну, о которомъ мы и ведемъ рѣчь съ читателемъ. Со смерти маіора, который въ послѣднее время запустилъ дѣла по хозяйству, имѣніе было скорѣй продано за казенные и частные долги, и вдова съ дѣтьми очутилась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Нашлись, однако же, добрые люди, выхлопотали ей мужній пансіонъ — дѣтей помѣстили: дочь въ институтъ, сына въ провинціальныи кадетскій корпусъ. Мальчикъ этотъ, съ самаго поступленія въ заведеніе — оказывалъ усилія во всемъ, что касалось до классовъ, — но въ маршировкѣ, ружейныхъ приѣмахъ и вообще по фронту считался самымъ слабымъ и безнадежнымъ мальчикомъ. Къ этому, впрочемъ, предрасполагала его какое-то особенно болѣзненное состояннн. Курсъ онъ кончилъ хорошо, и хоть въ то время въ кадетскихъ, да еще въ провинціальныхъ корпусахъ, и думать было нечего о развитіи, однако Калубинъ даже развился не много, благодаря одному просвѣщенному воспитателю, который бралъ его къ себѣ домой и въ старшемъ возрастѣ снабжалъ дѣльными книгами. По совѣту этого же воспитателя, Калубинъ вышелъ къ статскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ положительно не могъ переносить ненастной погоды. Нашелся дальній родственникъ, занимавшій порядочное мѣсто въ одной изъ центральныхъ губерній, и Калубинъ поступилъ къ нему въ канцелярію. Родственникъ этотъ былъ старый холостякъ, жилъ обильными взятками, но не конилъ состояннн, а проѣдалъ и проигрывалъ,

все, что удавалось выжать съ просителей. Роденьку онъ, впрочемъ, держалъ въ черномъ тѣлѣ и едва не морилъ голодомъ, вмѣстѣ съ экономкой. Незавидна была доля Калубина, но онъ продолжалъ трудиться ревностно, въ надеждѣ, попривыкнувъ къ дѣламъ, пробить себѣ дорогу и все таки считать себя счастливымъ, что при нищенскомъ жалованьи имѣлъ готовый уголь и хоть кое-какое содержаніе.

Къ чести его родственника надобно сказать, что послѣдній хоть и обходился съ нимъ не слишкомъ мягко, однако никогда не попрекалъ кускомъ хлѣба. Такъ просуществовалъ Калубинъ три года, и уже начала было улыбаться ему надежда въ видѣ штатнаго мѣста, какъ въ одинъ прекрасный день дядя его простудился и потомъ отправился *ad patres*, оставивъ его въ крайне затруднительномъ положеніи. Новый начальникъ задался мыслью очистить канцелярію отъ прежняго сора, въ числѣ котораго, неизвестно почему, считалъ и Калубина, такъ что молодой человекъ очутился безъ мѣста. Переписываясь изрѣдка съ матерью, онъ узналъ, что сестра его вышла изъ института и жила у матери, которая сама переселилась на родину въ Москву и перебивалась кое какъ пенсіономъ. Калубину тотчасъ же пришла мысль отправиться въ Москву и тамъ попытать счастья; онъ даже съ восторгомъ схватился за эту мысль, потому что при самомъ маленькомъ жалованьи онъ все-таки могъ бы жить вмѣстѣ съ матерью, и кто знаетъ, не нашелъ ли бы и частныхъ занятій, такъ какъ онъ былъ не безъ образованія и обладалъ очень красивымъ почеркомъ. Собравъ кое-какія крохи и купивъ старенькій нагольный тулупъ и валенки, Калубинъ упросился на одинъ обозъ, и въ качествѣ полу-извозчика, полу-пассажира, потянулся въ Бѣлокаменную. Радостное и вмѣстѣ съ тѣмъ грустное свиданіе ожидало его въ семействѣ. Мать едва могла прокормить себя и взрослую дочь и бѣдствовала въ полномъ смыслѣ слова. Надежды молодого человека на поступленіе на службу разсѣялись какъ дымъ, и онъ приходилъ уже въ отчаяніе, какъ неожиданно въ немъ приняла участіе подруга его сестры и представила его Хилькову.

Теперь, когда читатель познакомился съ молодыми людьми, занявшими нумеръ въ одной изъ петербургскихъ гостиницъ, мы приступимъ къ прерванному разсказу.

Путешественники устроились довольно скоро, и Хильковъ рѣшилъ, что Калубину лучше всего жить съ нимъ, пока судьба не улыбнется ему, т. е. пока послѣдній получитъ мѣсто, ко-

торое будетъ даватьъ ему средства къ существованію. Хильковъ успѣлъ все это облечь въ такія деликатныя формы, что товарищъ его не могъ ощутить ничего унижительнаго, ибо въ дружескомъ этомъ предложеніи не было и тѣни нахальства, съ которымъ иногда богачъ позволяетъ себѣ, изъ какой нибудь прихоти, благотворить убогому собрату. Калубинъ понималъ это, и только безсвязными словами могъ выразить свою признательность.

Черезъ недѣлю Хильковъ былъ принятъ на службу въ какой то департаментъ, а черезъ мѣсяцъ и скромный товарищъ его получилъ мѣсто и, къ удивленію, даже съ порядочнымъ жалованьемъ. Хильковъ отыскалъ нѣсколько старинныхъ знакомыхъ, которые по своимъ связямъ были весьма полезны молодому человѣку.

Молодые люди перешли изъ гостиницы на прекрасную отдѣльную квартиру и скоро вступили въ колею петербургской жизни. Первое время Хильковъ, дѣйстви по влеченію благородной натуры, не дѣлалъ никакого различія между собою и Калубинымъ, къ которому привязался искренно, всюду брать его съ собою; но впоследствии долженъ былъ измѣнить свое поведеніе. Онъ началъ замѣчать, что Калубинъ тѣготился несвойственнымъ для него образомъ жизни, и во многихъ богатыхъ домахъ былъ какъ бы не въ своей тарелкѣ. Хильковъ прежде не хотѣлъ и слушать его отговорокъ, но впоследствии пересталъ настаивать, придя къ заключенію, что, не смотря на ихъ близость, онъ не имѣлъ права насиловать товарища и навязывать ему знакомства, которыхъ тотъ не желалъ, имѣя, можетъ быть, въ виду другія симпатіи и другія развлеченія. При томъ же, вскорѣ, Хильковъ увлекся одною красотою и вступилъ въ тѣсный кружокъ тогдашнихъ петербургскихъ театраловъ, что совершенно не согласовалось съ образомъ мыслей Калубина. Короче сказать, мѣсяца черезъ три между приятелями, если не произошло совершеннаго охлажденія, то признаніе ихъ все таки подверглась значительной пережѣвѣ, уже по одному тому, что они по цѣлымъ днямъ не встрѣчались другъ съ другомъ.

Не смотря, на то, что Калубинъ съ самаго дѣтства находился подъ вліяніемъ гнета, всегда былъ какою-то загнанною личностью, онъ инстинктивно стремился къ независимости, и хотя это стремленіе подавлялось въ немъ постоянно складомъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, но онъ, если выпадалъ ему когда нибудь удобный моментъ свергнуть съ себя гнетущее иго, ни-

когда не отказывался от попытки къ освобожденію. Надобно сказать, что до описываемой эпохи за Калубинимъ не замѣчалося ни малѣйшей двусмысленности въ поведеніи, напротивъ — изъ всей его предшествовавшей жизни можно было вывести заключеніе, что въ молодомъ человѣкѣ формировался твердый характеръ съ самыми честными основаніями. Само собою, что гнетъ обстоятельствъ и печальная обыденная обстановка дѣлали свое дѣло; но молодой человѣкъ боролся съ разными искушеніями, и, если впадалъ иногда въ необходимость поступать вопреки своимъ принципамъ, то никогда не дѣлалъ этого безъ внутренняго сожалѣнія. Одолженіемъ Хилькова онъ воспользовался, потому что именно былъ въ положеніи утопающаго, который хватается за соломенку, и дальнѣйшее развитіе этого благодѣянія допустилъ оттого, что Хильковъ, независимо отъ своей благородной и симпатичной натуры, такъ умѣлъ обставить свои отношенія, что отказаться — значило бы оскорбить человѣка, безкорыстно и безъ всякой заглаженной мысли кинувшагося на помощь ближнему. Первые маленькія столкновенія между новыми пріятелями возникли изъ того, что Калубинъ спустя нѣсколько времени, началъ положительно отказываться отъ пирушекъ и загородныхъ пикниковъ, гдѣ онъ былъ принятъ какъ даровой посѣтитель, за котораго платилъ Хильковъ, хотя, конечно, платилъ охотно и по своему собственному зову. Калубинъ началъ замѣчать, что нѣкоторые изъ участниковъ посматривали на него то съ высокоуміемъ, то насмѣшливо, а иногда, подъ веселую руку, позволяли себѣ и не совсѣмъ умѣстныя, хоть и весьма легкія шуточки, относительно его скромности, умѣренности и т. д.

Калубинъ сразу поставилъ себя по службѣ очень прилично, а такъ какъ онъ обладалъ нѣкоторою сноровкою въ дѣлахъ, былъ прилеженъ и имѣлъ прекрасный почеркъ, то вскорѣ возымѣлъ увѣренность, что въ этомъ отношеніи ему боятся нечего. Жалованье онъ получалъ порядочное, и при его привычкѣ къ суровому образу жизни — ему казалось, что онъ могъ бы жить собственными средствами, не оставаясь на попеченіи Хилькова, который положительно все время проводилъ въ обществѣ театраловъ. Дѣйствительно, пока Хильковъ не увлекался, пока онъ бывалъ часто дома или, по крайней мѣрѣ, выѣзжалъ вмѣстѣ съ Калубинимъ, послѣдній могъ разсчитывать, что за одолженіе — по крайней мѣрѣ, уплачивалъ ему своимъ сообществомъ. Но когда молодой театраль все позабылъ для своего новаго культа и дня по два, по три не ви-

дался со своимъ товарищемъ, послѣднему казалось неловкимъ жить на чужой счетъ, чисто изъ милости.

Около Свитой, Калубинъ, за свою ревностную службу, получилъ наградныя деньги и въ размѣрѣ, который, по мнѣнію его сослуживцевъ, доказывалъ особенное расположеніе начальства. Въ тоже время вице-директоръ очень хвалилъ его почеркъ и намекнулъ, что не мѣшало бы дать ходъ молодому человѣку, что Калубину было передано немедленно. Обстоятельство это, видимо, подѣйствовало на молодого человѣка, и онъ рѣшился переговорить съ Хильковымъ. Въ одно утро, когда послѣдній всталъ раньше обыкновеннаго, пока его товарищъ не отправился еще въ должность, они сошлись, и Калубинъ высказалъ откровенно желаніе жить собственными средствами. Хильковъ обидѣлся, было, немного, но когда Калубинъ объявлялъ ему, что останется къ нему съ чувствами прежней дружбы, но желалъ только слѣдовать природному влеченію къ самостоятельности, намѣренъ приучиться съ молоду рассчитывать на свои силы, что сдѣланнаго добра никогда не забудеть, и напротивъ постарается, при возможности, отслужить и съ своей стороны. Хильковъ, какъ и каждый развитый человѣкъ, понявъ все благородство этого побужденія, согласился на разставанье, но горячо предлагалъ матеріальную помощь, увѣряя, что ему необыкновенно пріятно дѣлиться своими недостатками съ такимъ достойнымъ молодымъ человѣкомъ.

На другой же день Калубинъ занялъ скромную меблированную комнату у вѣмки-кухмистерши, въ четвертомъ этажѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Тихо пошла его жизнь на свободѣ, какъ онъ думалъ, потому что, дѣйствительно, хотя онъ и не стѣснялся въ квартирѣ Хилькова, однако все-таки, во первыхъ, жилъ изъ милости, во вторыхъ, долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ унижаться передъ прислугою, и въ особенности передъ камердинеромъ, игравшимъ значительную роль, съ тѣхъ поръ какъ Хильковъ сталъ возвращаться домой только для ночлега и то чрезвычайно поздно. Положимъ, камердинеръ открыто не смѣлъ оскорблять Калубина, но за то у него въ рукахъ было множество случаевъ дѣлать ему мелочныя, но тѣмъ не менѣе чувствительныя, непріятности. Переселеніе къ кухмистершѣ имѣло еще и потому прелесть для Калубина, что онъ первый разъ въ жизни имѣлъ собственную комнату, гдѣ каждая вещь принадлежала ему, и въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ. Въ два, три дня онъ привыкъ и къ постоянному шуму, и къ запаху кушанья, наполнявшему всѣ ком-

наты, а когда сдѣлалъ бюджетъ, то увидѣлъ, что ему, при хорошемъ запасѣ бѣлы и платя (чѣмъ былъ обязанъ, впрочемъ, пріятелю), оставалось денегъ на прихоти и на развлечения. Онъ даже положилъ посылать матери пять рублей въ мѣсяцъ, что считалъ своею священною обязанностью. По временамъ Калубинъ заходилъ и къ Хилькову, котораго никогда, однако-жъ, не заставалъ дома; а какъ они служили въ разныхъ министерствахъ, то поэтому и не могли встрѣчаться.

Въ бель-этажѣ одного огромнаго дома, въ роскошно, даже вычурно-убранномъ кабинетѣ, принадлежавшемъ къ великолѣпной квартирѣ, на эластическомъ диванѣ утонулъ господинъ среднихъ лѣтъ въ пунцовомъ халатѣ, обшитомъ горностаемъ, и курилъ дорогую регалию. Вокругъ него на столахъ и этажеркахъ стояло столько лампъ, часовъ, чернилницъ, разныхъ бронзовыхъ, фарфоровыхъ, хрустальныхъ и иныхъ бездѣлицъ, что по ошибкѣ легко было бы этотъ кабинетъ принять за выставку вещей, разыгрываемыхъ въ пользу какого нибудь пріюта. Кромѣ, господина, въ комнатѣ изъ живыхъ существъ находились — бѣлый попугай въ золоченой клеткѣ, который болталъ какія-то безсвязныя фразы, и большая ньюфаундленская собака, растянувшаяся на кушеткѣ передъ каминомъ. Господинъ лежалъ, облокотясь на мягкую подушку и пускалъ струи голубоватаго дыма, устремивъ глаза въ одинъ уголъ, просто безъ цѣли, потому что взоръ его ничего не могъ тамъ видѣть, кромѣ лишнихъ украшеній потолка, не представлявшихъ особаго интереса. На видъ ему было лѣтъ съ небольшимъ за тридцать. Полное безъ выраженія лицо его дышало здоровымъ и беззаботностью; сѣрые глаза смотрѣли какъ-то глуповато, и по манерѣ, съ которою онъ лежалъ въ этой богатой комнатѣ, видно было, что онъ привыкъ къ совершенно другой обстановкѣ. Господинъ пересталъ курить и задумался, а когда снова принялся за регалию, она погасла. На лицѣ его отразилась досада, и онъ протянулъ руку къ шелковой сонеткѣ, спускавшейся у изголовья. На звонокъ явился франтовски одѣтый мальчикъ, завитой, въ ливрейномъ фракѣ и штиблетахъ.

— Огня!

Мальчикъ въ ту же минуту бросился за спичками, стоявшими тутъ же почти у дивана, и, какъ видно еще не привыкшій къ новымъ для него порядкамъ, оглинулся, отъиски-

вая предметъ, о которой надо потереть спичку, и зажечь ее о рукавъ своего фрака.

— Бодванъ! Держишь спичечницу, а трешь спичку о рукавъ.

— Виновать!

— Не приходилъ баронъ?

— Нѣсколько минутъ какъ пришли, но мы не смѣли докладывать.

— Осель! Я не велѣлъ принимать только постороннихъ. Проси.

Мальчикъ исчезъ, и вслѣдъ почти за его уходомъ въ кабинетъ вступила величавая личность джентльмена, лѣтъ за сорокъ, въ новомъ костюмѣ, но измятомъ и безпорядочномъ. На жилетѣ вновь появившагоса лежала толстая часовая цѣпь желтаго цвѣта, но, нельзя было положительно сказать, золотая или бронзовая, а на рукахъ сверкало множество колець, тоже невѣдомо — съ настоящими или поддѣльными камнями. Это былъ высокаго роста джентльменъ, немного косоватый съ рыжими усами и такой же эспаньолкой. При входѣ, онъ отвѣсилъ поклонъ не то почтительный, не то фамильярный, и быстро бросился къ дивану, когда хозяинъ протянулъ ему два пальца.

— Ну что? проговаривалъ послѣдній, пуская дымъ большимъ клубомъ.

— Пока ничего.

— И, значитъ, всегда ничего! Я такъ и зналъ. Говору вамъ, продолжалъ господинъ въ халатѣ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, — и даю честное слово, что вы никакъ чему не годитесь.

— Помилуйте, Матвѣй Петровичъ, я употребляю всѣ усилія...

— Наниваться — это я знаю. Подумали-ль вы, что прошло уже три недѣли.

— Во первыхъ, я не наниваюсь, отвѣчалъ баронъ обидчиво, а во вторыхъ, три недѣли для человѣка, который карты въ руки не беретъ...

— Кто вамъ сказалъ, что онъ не беретъ? Онъ студентомъ еще проигрывалъ по три тысячи.

— Можетъ быть студентомъ, да и справедливы ли еще эти ссѣдѣнія?

— Когда я говорю, то, значитъ, это такъ. Клянусь честью вамъ ничего нельзя поручить. Курдюковъ данно обработалъ бы это дѣло.

— Вы напрасно горячитесь, Матвѣй Петровичъ, ни Курдюковъ, ни даже самъ Дбрунцевичъ ничего не подѣлаютъ.

— Эхъ, баронъ, какъ вы разсуждаете? Вамъ легко говорить, а вѣдь такъ и жить будетъ вечѣмъ. Какъ не опутать такого молодчика? а купецъ Нахилонъ?

— Этотъ наклеивается, только, знаете, его не надобно приглашать къ вамъ...

— Это почему? Развѣ же можно принять его гдѣ нибудь приличнѣе?

— Не въ томъ дѣло, а сибирякъ съ особыми убѣжденіями: терпѣть, говорить, не могу ни поляковъ, ни пѣмцевъ, онъ называетъ насъ нехристями.

— Свиныя!

— А въ самомъ дѣлѣ въ нашей компаніи русскихъ немного.

— Куда же его позвать? Курдюковъ не глупъ, но квартира его дрянъ, да и самъ онъ какой-то чумичка. У Корякина настоящій кабакъ. Вотъ несчастье! Ну, да все это пустяки, я задамъ хорошій обѣдъ, и мы ему покажемъ, что значатъ поляки. Свиныя вздумалъ еще разбирать! Да, теперь былъ бы кстати Серединкинъ, но зазнался, подлець: можете себѣ представить—мнѣ предлагалъ гривенникъ съ рубля! Этакой мерзавецъ. Теперь я покажу ему...

— Матвѣй Петровичъ...

— Ну что? Не опять ли денегъ?

— Вѣдь вы сами знаете, когда я получилъ...

— Знаю и удивляюсь, какъ вы мотаете. Нельзя же такъ, баронъ! Помните, что я васъ взялъ изъ милости, что все васъ изгоняютъ. Последній разъ говорю вамъ — честное слово, — пока вы не подставите человѣка хоть въ пять тысячъ, не будетъ вамъ доли у меня въ банкѣ.

— Легко вамъ говорить, Матвѣй Петровичъ, а гдѣ ихъ взять такихъ олуховъ на подставу? Такіе все сдѣлались подлецы, что сами нарываютъ обыграть тебя.

— Не повѣрю, чтобъ вы не оцѣпывали какую мелкую дичь въ свою пользу.

— Я уже говорилъ вамъ, что за всю недѣлю только и подѣлалъ одного молодчика на сорокъ пять рублей, — ну, знаете, надо было порасплатиться...

— Зайдите вечеромъ.

— Въ какое время?

— Разумѣется, пораньше: на игру пока не являйтесь — пусть нѣсколько позабудутъ пощечину.

— Напрасно вы такъ выражаетесь: и пощечины не получалъ, а этотъ мерзавецъ ударилъ меня только по воротнику.

— Честное слово, вы забавны. Смотрите же, кромѣ Пахидова вы наблюдайте и за мальчишкой. Можно ли, у молоко-соса рысакъ едва не лучше моихъ, денегъ куча, а мы не можемъ погрѣть рукъ около него! Я боюсь одного, чтобъ его не перехватилъ Серединкинъ. Клянусь честью—это подлець, который становится мнѣ поперегъ горла.

— Попробуйте сойтись съ нимъ.

— Нельзя сойтись! Говорю вамъ, онъ не только не хочетъ въ половину, а не принимаетъ и въ долю; съ тѣхъ поръ какъ нагрѣлъ откупщика на сорокъ тысячъ, онъ рѣшился дѣйствовать своею компаніею.

— Да вѣдь онъ еще недавно работалъ на васъ и на Доуэра.

— Такіе люди не помнятъ добра. Скажу лучше—я послала къ нему записку—съ него слѣдовало по счету 113 рублей, такъ онъ отказался—честное слово. Ну, смотрите же: намъ необходимы свѣженькіе, а то понимаете скоро жить будетъ нечѣмъ.

— Постараемся, Матвѣй Петровичъ.

— Поменьше только хересу, да коньяку, а то вы все дѣло испортите.

— Нельзя же въ нашемъ ремеслѣ и безъ лишняго стакана.

— Для себя же старайтесь. Въ часу восьмомъ приходите, а теперь я буду одѣваться.

И господинъ въ халатѣ — Матвѣй Петровичъ Мерзашевскій, дворянинъ какой-то западной губерніи, откланялся барону фонъ-деръ Зобиху.

На другой день, въ довольно скромномъ, но хорошо убранномъ кабинетѣ, сидѣлъ господинъ въ довольно потертомъ халатѣ у письменнаго стола и пилъ утренній чай, покуривая самодѣльные папирсы. Это былъ мужчина довольно еще не старыи, но съ лицомъ чрезвычайно умнымъ, на которомъ видѣлись разнообразныя слѣды всяческихъ житейскихъ тревоженій. Небольшія морщины и сѣдина, сверкавшая въ черныхъ волосахъ, не могли еще быть принадлежностію возраста, а доказывали, что индивидуумъ перѣдко проводилъ бессонныя ночи, и не одна тяжелая мысль работала въ этой головѣ, дѣйствуя разрушительно на организмъ.

Мягкіе волнистые усы, естественно спускавшіеся по ок-

раннамъ рта, придавали особенную красоту выразительной его физиономіи, а большіе черные глаза свѣтились тѣмъ тихимъ блескомъ, который служитъ доказательствомъ сосредоточенности мысли. Поодаль, у небольшого столика, и тоже за стаканомъ чаю, и съ папирской сидѣлъ маленькій плюгавенькій человѣчекъ, лѣтъ сорока, одѣтый небогато, но оратно, съ подвижною плутоватою физиономією и маленькими прищуренными глазками. Отъ это фигурки вѣло чѣмъ-то отталкивающимъ, хотя голосъ, что называется, у него былъ медоточивый. У письменнаго стола сидѣлъ отставной корнетъ Серединкинъ, слышій помѣщикомъ, а за маленькимъ столикомъ дворянинъ Кубрацевичъ, кажется, впрочемъ, недоказавшій дворянства, и известный подъ именемъ повѣреннаго.

— Я вами доволенъ, Станиславъ Осиповичъ, сказалъ Серединкинъ; вы дѣло свое исполняете аккуратно, но извините меня за откровенность, вы порядочный трусишка.

— Правда, Михаилъ Михайловичъ, грѣха тать нечего, но кто подобно мнѣ бывалъ битъ на вѣку, тотъ живетъ по пословицѣ: «пугавая ворона и куста боится».

— И будто бы вы ужъ такъ часто бывали биты? спросилъ Серединкинъ съ нѣкоторою легкой дрожью въ голосѣ, обличавшею присутствіе какихъ нибудь неприятныхъ воспоминаній.

— Да какъ вамъ сказать, ни одно порядочное дѣло, приписавшее хорошій доходъ моимъ патронамъ, не обходилось безъ того, чтобъ я не получалъ оплеухи, затрещины, а то и реброматія. Говорю, какъ передъ Богомъ.

— Чтожъ? Звѣзда ваша такая несчастная?

— Должно быть, Михаилъ Михайловичъ.

— Однако же дѣло съ евреємъ Гольдблюмомъ прошло чрезъ ваши руки, — и кончилось благополучно.

— Первый разъ въ жизни.

— Имѣйте же вѣру, что и сегодняшнее принесетъ вамъ сотни три безъ всякаго реброматія.

— Надѣюсь на васъ. Ахъ да, Михаилъ Михайловичъ! Совсѣмъ было позабылъ.

— Что нибудь новое?

— Даже интересное. Вчера вечеромъ заходилъ я къ Луизѣ Карловнѣ — показать ей одну вещьцу, продающуюся по случаю...

— Ну?

— Угостила чаемъ и пуншемъ. Она окончательно разо-
рилась съ барономъ.

— Еще бы! этотъ пьльница стоитъ ей не мало денегъ.

— Мало того, и даже отколотилъ намедни за какую-то шутку.

— Это между ними не въ первый разъ: помирятеся. Баронъ умѣетъ правиться женщинамъ.

— Больно уже вазнался, говорить. Но дѣло не въ томъ, а Луиза Карловна сказывала мнѣ по секрету, то есть для передачи вамъ...

— Плутни какія-нибудь, Станиславъ Осиповичъ. Эта баба агентъ Мерзашевского.

— Извините, Михаилъ Михайловичъ, она ругаетъ Мерзашевского негодеемъ.

— Это не новость.

— Говорить, обсчиталъ ее.

— Не новость, тѣмъ болѣе.

— И что она не хочетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла.

— Не вѣрю.

— Вамъ знать лучше; но то, что сказывала мнѣ—заслуживаетъ вниманія.

— Посмотримъ.

— Баронъ съ пьльну проболтался, что Мерзашевскій поручилъ ему подставить сибирскаго купца Пахилова, который, знаете, живетъ въ Парижской гостинницѣ.

Серединкинъ поднялъ голову.

— Ну? спросилъ онъ.

— Баринъ принялся за дѣло.

— Вотъ машенникъ! Но это имъ не удастся.

— И есть еще другой молодой человекъ; онъ служить, тоже купеческій сынъ, только изъ университетскихъ, Хильковъ прозывается.

— А! тотъ, котораго рысаки не даютъ покоя дураку Мерзашевскому! и что же?

— Баронъ не знаетъ, какъ приняться: малый картъ въ руки не беретъ. Еще когда онъ прѣѣхалъ въ Петербургъ, то къ нему былъ подосланъ Дбрунцевичъ и вывѣдалъ у камердинера, что Хильковъ, проигравши еще студентомъ три тысячи, съ тѣхъ поръ не принимался за карты.

Серединкинъ ударилъ кулакомъ по столу.

— До сегодняшняго дня, сказалъ онъ, готовъ бы держать какое угодно пари, что Мерзашевскій глупъ какъ пробка, а между тѣмъ эта дубина не дремлетъ. Я всегда думалъ, что ему помочь извѣстный случай обобрать сряду

троихъ простофилей, — случай, повторяющийся вѣками, и что этотъ безмозглый полячишка... Ахъ, извините, Станиславъ Осиповичъ!

— Ничего-съ.

— Что онъ опять спустится на точку замерзанія, а онъ, подите, какія затѣваетъ штуки! Но не будетъ этого! Я самъ съѣзжу за Пахилловымъ и Хильковымъ, продолжалъ Серединкинъ, вставъ изъ-за стола и ходя по комнатѣ, а самъ хочу обдѣлать того и другаго, и когда возьмусь я, тогда, понимаете, не дураку Мерзашевскому стать мнѣ на дорогѣ. Я только откладывалъ съ Хильковымъ, — но теперь вижу — дѣлать нечего. Тутъ, дружище, Станиславъ Осиповичъ, нуженъ человѣкъ попроворитѣ и смѣлѣ тебя. О, я дорого далъ бы, чтобъ мнѣ сію минуту добыть Стрѣловническаго, только въ трезвомъ состояніи.

— Могу.

— Вы знаете, гдѣ онъ пропадаетъ? Я думаю, по кабакамъ шляется.

— Безъ этого нельзя.

— Но онъ, дѣйствительно, человѣкъ способный. Вотъ что: возьмите синенькую тамъ подъ прессъ-панье и поѣжайте сейчасъ же, отыщите Стрѣловническаго. Если онъ безобразно пьянъ, вытрезвите его какъ можно скорѣе и скажите, что онъ мнѣ очень нуженъ.

— Принажете сейчасъ?

— Даже сію минуту. Очень вамъ благодаренъ за извѣстіе. Отправляйтесь по всемъ кабакамъ и найдите его, а я съѣзжу самъ къ Луизкѣ. Вечеромъ жду съ отвѣтомъ.

И собесѣдники разстались.

Вечеромъ того же дня, часовъ около семи, въ кабинетъ Серединкина явился дворянинъ Кубрацевичъ въ сопровожденіи другой личности, средняго роста, въ оборванномъ костюмѣ. Это былъ мужчина пожилой, съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ, выразительныя черты котораго не потеряли еще привлекательности.

— Вотъ, Михаилъ Михайловичъ, нашъ бѣглець, имѣю честь представить, сказалъ Кубрацевичъ.

— А! Стрѣловникій, здравствуйте! Никакъ года два не видался?

— Да, годика два, г. Серединкинъ. Вы, я вижу, того...

— Да, какъ вамъ сказать — Бога гнѣвить нечего. Однако, Станиславъ Осиповичъ, ступайте въ гостиную, тамъ съ Са-

вельичемъ чаю напьетесь, да и намъ пришлете, а мнѣ надо переговорить съ старымъ пріятелемъ.

Кубрацевичъ на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета. Подозвавъ Стрѣловицкаго, Серединкина указавъ на стулъ, и когда гость усѣлся, то хозяинъ повдвесь къ нему ближе свѣчу. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Что, небось, хороши я сталъ? спросилъ Стрѣловицкій.

— Нагулялся, братъ, порядкомъ?

Гость махнулъ рукою.

— Изъ меня уже не будетъ проку, Михаилъ Михайловичъ, сказалъ онъ.

— Безпорядочная твоя голова! на рысакахъ бадилъ, брилліанты носилъ, любовницъ держалъ...

— Все прошло прахомъ... Да вѣдь и наживалось же какъ...

— Все таки самъ виновать. Ну, да не объ этомъ. Слушай же внимательно. Но прежде предложу вопросъ! Я вѣдь знаю, что ты человекъ добросовѣстный и всегда скажешь правду. По прежнему пьешь запоемъ?

— Какъ быть слѣдуетъ, Стрѣловицкій не измѣнитъ своимъ привычкамъ.

— Хорошо. А послѣ пароксизма жизнь трезвая?

— Трезвая, только пароксизмы находятъ какъ-то чаще, Михаилъ Михайловичъ.

— Скверно. Однако, вѣдь можешь опредѣлить приблизительно промежутки?

— Конечно.

— И понимается, выпадаетъ хоть недѣли двѣ, три между пароксизмами?

— Три недѣли минимумъ, за которыя ручаюсь, а бываетъ и до полутора мѣсяца.

— А давно ли ты вытрезвился? Впрочемъ, ты дрожишь, блѣденъ, очевидно образумился на дняхъ — не такъ ли?

— Правду сказать, вчера только пришелъ въ нормальное состояніе.

— О, еслибы ты могъ выдержать мѣсяць, по крайней мѣрѣ!

— Нешто очень нужно?

— По горло, и еслибы я могъ получить отъ тебя слово на пять, на шесть недѣль, вѣдь вѣрь мнѣ, Стрѣловицкій, ты не остался бы въ накладѣ. Вѣдь, знаешь, я не Мерзашевскій.

— Это подлець и при томъ глупъ, какъ сивый меренъ.

— Не говори, Кирилъ Павловичъ: онъ подлець и ско-

тина; согласенъ, что онъ круглый невѣжда, но не дуракъ, далеко не дуракъ!

— Не потому ли, что огрѣлъ троику олуховъ сряду? но вѣдь остричь подобныхъ барановъ...

— Я самъ такъ думалъ. Но къ черту этого будущаго ростовщика! не можешь ли ты дать слово поработать на меня мѣсяцъ?

Стрѣловицкій поднялъ исхудалыя руки.

— Ахъ не видите, какъ трясутся? Куда ужъ мнѣ работать: меня теперь поймаютъ каждый гимназистъ на первомъ вольѣ.

— Не руки нужны, Кирилъ Павловичъ, а твоя голова.

— Ну, это дѣло другое, это могу.

— Такъ честное слово, мѣсяцъ?

— Честное и торжественное на пять недѣль, а дальше не ручаюсь.

— Довольно! я и не требую больше, потому что Стрѣловицкій держать обѣщаніе, — я это знаю двадцать разъ по опыту.

— И вы правы! Стрѣловицкій сдѣлать не одну подлость, мало того, не одно уголовное преступленіе, Стрѣловицкій способенъ еще и теперь угодить въ Сибирь; но до сихъ поръ не вмѣнилъ слову и не обѣщавъ того, чего исполнить не въ состояніи, проговорилъ гость съ отдышкою, но съ видомъ самодовольствія.

— Гдѣ живешь?

— Нигдѣ.

— Положительно?

— Положительно. Какъ есть все прошилъ, и на мнѣ даже пальтишко Кубрацевича.

— Теперь ты мой на пять недѣль, слѣдовательно я могу располагать тобою.

— Какъ угодно.

— Возьми меблированную комнату, купи себѣ платья и бѣлья, обѣдать можешь приходить сюда, или лучше обѣдай, гдѣ придется, потому что дамъ тебѣ трудное порученіе. Сегодня же получишь полтораста рублей, и это не въ счетъ, а если успѣешь — твоя тысяча цѣлковыхъ.

Стрѣловицкій остоленѣлъ.

— Другъ, Михайлъ... Да по силамъ ли мнѣ то, что ты предлагаешь? Можетъ быть...

— Я самъ не поведу этого дѣла, не смотря, что канди-

дать университета. Изъ всѣхъ нашихъ, находящихся въ Петербургѣ, я не знаю никого, кто былъ бы въ состояніи кромѣ тебя...

— Значить, нѣчто дипломатическое?

— Крайне сложное.

— Въ такомъ случаѣ, Михаилъ Михайловичъ, чайку съ ромомъ хоть для духу, этакъ ложечки двѣ, три, и хорошую гаванну, Бога ради, гаванну, я уже года два, какъ въ ротъ не бралъ ничего, кромѣ рижскихъ вонючекъ, да и то грошевыхъ.

— Чаю подадутъ сейчасъ, подольше и рому, а регалинъ вотъ въ ящикѣ.

Стрѣловицкій бросился, какъ тигръ на добычу, на ящикъ съ сигарами, выбралъ одну изъ нихъ, понюхалъ, скусилъ, послинилъ и когда закурилъ на свѣчкѣ, въ глазахъ его блеснули слезы.

— О, произнесъ онъ, такія минуты не часто бываютъ въ жизни.

Въ это время явился слуга съ подносомъ, на которомъ, кромѣ чая, стояли сухари въ корзинкѣ, блюдечко съ лимономъ и флаконъ бѣлаго душистаго рому. Стрѣловицкій налилъ себѣ ложечки три этой драгоценной жидкости въ стаканъ, положилъ два куска лимона и принялся за чай съ такимъ наслажденіемъ, какому позавидовалъ бы не одинъ сибаритъ, пресмытвшійся въ жизни.

По уходѣ слуги, Середкинъ отперъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько билетовъ.

— Тутъ ровно полторааста мелкими, сказалъ онъ. Завтра же возьми комнатку, одѣнься прилично, можешь купить и сигаръ — безъ этого не обойдется — и потомъ прѣдешь, я буду выдавать на расходы, которые теперь намъ необходимы.

Спрятавъ деньги въ карманъ, Стрѣловицкій обнялъ въ восторгѣ хозяина, и между ними завязался интимный разговоръ, содержаніе котораго мы увидимъ въ продолженіи нашего разсказа.

Черезъ два дня, у кухмистерши, гдѣ жилъ Калубинъ, поселился новый жилецъ, человѣкъ не молодой, и только-что возвратившійся изъ за границы. Вещей у него было мало или, лучше сказать, все достояніе помѣщалось въ небольшомъ саквояжѣ, но одѣтъ онъ былъ хорошо и нанялъ самую лучшую комнату. Первый же вопросъ къ хозяйкѣ заключался

въ томъ — нѣтъ ли у кого изъ жильцовъ книгъ почитать? а какъ изъ всѣхъ обитателей кухмистерской у одного лишь Калубина водилось нѣсколько книжонокъ, то хозяйка и передала послѣдному просьбу своего новаго квартиранта. Такимъ образомъ, завязалось знакомство, оказавшее весьма важное вліяніе на судьбу молодого человѣка.

Прѣважій изъ за границы, Петръ Петровичъ Сырниковъ, оказался не только образованнымъ, но и ученымъ человѣкомъ, зналъ отлично языкъ и обладалъ необыкновеннымъ даромъ діалектики. Хотя блѣдное лицо его и показывало довольно почтенный возрастъ, но роскошные черные волосы, тщательно причесанные, опровергали мысль о старости и скорби заставляли думать, что не дѣта, а страсти или невзгоды провели свои роковые слѣды на этомъ лицѣ. Небольшая бородка, которую только-что запускалъ Сырниковъ, придавала его выразительнымъ чертамъ особый оттѣнокъ, а темно-синіе очки, прикрывавшіе глаза, оставляли наблюдателя постоянно въ какомъ-то недоумѣніи относительно общаго выраженія фізіономіи.

Калубинъ въ продолженіе этого времени очутился на свободѣ и чувствуя себя самостоятельнымъ, только что началъ посѣщать многихъ товарищей-чиновниковъ, приглашеніями которыхъ не могъ пользоваться, пока жилъ у Хилькова, назвавшаго его по театрамъ, и проводилъ вечера въ своемъ кругу, отличномъ отъ того, въ которомъ вращался до того времени. На этихъ вечерахъ конечною цѣлью чиновниковъ были — преферансъ и ералашъ, конечно, по маленькой, и не играющему предстала крайняя скука. Калубинъ еще съ дѣтства понималъ тайны коммерческихъ игръ, потому что отецъ его считался отличнымъ игрокомъ между сосѣдями. Калубинъ ребенкомъ зналъ прекрасно пикетъ, вистъ и бостонъ, и случалось, за невмѣніемъ гостей, составлялъ отцу и матери партію. Въ коршусѣ отсталъ онъ отъ картъ, но поступивъ на службу къ дядѣ, каждый вечеръ, отъ нечего дѣлать, игралъ на мѣлокъ въ преферансъ съ его экономкой и быстро усвоилъ приемы этой игры, бывшей тогда въ ходу и занимающей большію часть играющаго человѣчества. Волею-неволею, вовлеченный въ чиновничьемъ кругу въ игру, Калубинъ избралъ преферансъ, и вскорѣ увидѣлъ, что капиталъ его началъ умножаться. Молодой человѣкъ призадумался и, разъ остановившись на этомъ предметѣ, начерталъ себѣ правила и рѣшился играть осторожно, соображать разными случайности, вникать

въ тонкости, однимъ словомъ, взглянулъ на игру, какъ на средство увеличивать свое матеріальное благосостояніе. Недѣля опыта увѣдичалась успѣхомъ, и молодой человѣкъ пришелъ къ заключенію, что, играя постоянно, осторожно, безъ увлеченія, онъ могъ по вечерамъ пріобрѣтать значительныя для себя деньги. Разумѣется, онъ игралъ по самому ничтожному кушу, однако, сумма выигрыша оказывалась порядочною, такъ что молодой человѣкъ получилъ уже нѣкоторую страсть къ преферансу. Маленькій проигрышъ, и то изрѣдка, причинялъ ему уже неудовольствіе, которое принимало болѣе неприятный характеръ, если онъ сознавалъ, что причиною тому была его неосторожность, а не какой нибудь неудачный раскладъ картъ, и Калубинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на преферансѣ.

Знакомство съ Сырниковымъ было очень по сердцу Калубину, который любилъ бесѣды съ умными людьми, и все время до вечера онъ проводилъ, въ обществѣ Петра Петровича, въ уютномъ номерѣ, за отличною гаванскою сигарою. Сырниковъ, какъ онъ говорилъ, по краевой мѣрѣ, хлопоталъ объ одномъ очень выгодномъ мѣстѣ, но долженъ былъ подождать возвращенія какого-то господина, который гдѣ-то замедлилъ въ отдаленномъ имѣніи. Между ними вскорѣ завязались интимныя отношенія, и Петръ Петровичъ незамедлилъ узнать всю подробную біографію своего молодого пріятели. Однажды, послѣ обѣда, Калубинъ, по обычаю, отправился въ номеръ къ Петру Петровичу, но ключа въ замкъ не было, и хозяйка сказала, что Сырниковъ съ утра не возвращался. Калубину стало скучно, но такъ какъ до вечера оставалось довольно времени, то онъ, усѣвшись за свой столикъ, вынулъ изъ ящика колоду старыхъ картъ и началъ раскладывать нѣкоторыя игры преферанса, казавшіяся ему интересными. Съ полчаса занимался онъ этимъ дѣломъ съ увлеченіемъ, какъ его слегка ударили по плечу. Калубинъ оборотился. Передъ нимъ стоялъ Петръ Петровичъ, устремивъ синія очки на разложенную игру.

— Такъ вы серьезно предаетесь «картинкамъ»?

— Нельзя же, Петръ Петровичъ, сказать, не смущаясь Калубинъ, который говорилъ уже Сырникову о своихъ подвигахъ; я на этомъ основываю кое-что въ будущемъ.

— Резонъ. А сильны ли вы въ дѣлѣ?

— Не умѣю вамъ сказать, только вотъ уже четвертый день не знаю проигрыша: любопытно, что будетъ на вечерѣ.

— Все зависит от счастья: может случиться, что целый месяц не будете знать выигрыша.

— Неужто, бывает и так?

— Бывает и хуже. Да что, вы еще не торопитесь?

— О, мнѣ остается часа два, я ходилъ къ вамъ, но васъ не было, такъ я и присѣлъ за урокъ.

— А я велѣлъ подавать самоваръ. Пойдемъ, и принеси коробочку отличныхъ Лондресъ Мартинецъ.

— У васъ такія вкусныя сигары, что боюсь и курить: послѣ нихъ мои папирсы кажутся жженой тринкой.

— Да, хорошія сигары не послѣднее наслажденіе.

Въ просторномъ номерѣ Сырникова пріятеля усѣлись на диванъ и занялись чаемъ.

— Знаете что, Андрей Ивановичъ, сказалъ Сырниковъ, времени еще много, у меня кстати есть новенькая колода для пасьянса, хотите, поиграемъ немного, разумѣется, на Шереметьевскій счетъ, и хочу посмотрѣть ваше искусство.

— Съ удовольствіемъ. А вы играете?

— Зналъ когда-то эту грамоту, проговорилъ Сырниковъ съ улыбкою, а можетъ еще и теперь кое-что осталось въ памяти.

Калубинъ поспѣшилъ отодвинуть чайный приборъ, и при видѣ картъ у него мелькнула, было, мысль предложить хоть ничтожный кушъ для придаванія интереса, но онъ почему-то удержался.

Началась партія. На первыхъ порахъ Калубину повезло, и онъ былъ въ восторгѣ. Но вотъ случилась игра замысловатая; молодой человѣкъ сдѣлалъ ошибку и выпустилъ своего партнера. Послѣдній замѣтилъ, что Калубинъ далъ непростительный промахъ; вскорѣ представился и другой случай, гдѣ онъ совершилъ еще грубую ошибку.

— Вы не умѣете играть, Андрей Ивановичъ: вамъ, должно быть, везло самое непозволительное счастье. Вы только шлепаете тузами и королями — это не игра.

Калубинъ смутился немного.

— Но я не зналъ этихъ ходовъ.

— Стало быть, азбуки не знаете. Вамъ и вельзи садиться иначе какъ по четверти кофѣйки, — и то съ васъ при несчастіи снимутъ и пальто.

— Значитъ, надо быть осторожнымъ.

— Экую новость сказалъ! Мало осторожности, надобно по-

стигать духъ игры, нравственную силу партнеровъ и кромѣ того смотрѣть въ оба, чтобъ не обыграли на вѣрную.

— Какъ?

— Да такъ! Эхъ, баринъ, баринъ! я думалъ, что вы ма-ракуете маленько въ преферансъ, а вы лапти плетете.

— Петръ Петровичъ, голубчикъ! поучите! я вижу, что вы отлично играете.

— Скоро этому не выучиваются. Ну, да вотъ что: будемъ играть каждый день понемногу, авось добьемся. Ну, какую игру желали-бъ вы имѣть сейчасъ?

— Восемь безъ козырей.

— А десять не хотите?

— Не откажусь.

Сырниковъ началъ вздавать, и у молодого человѣка ларябили въ глазахъ тузы и короли. Дѣйствительно, у него образовалась огромная игра.

— Это случай, сказалъ онъ.

— Можетъ быть.

Въ слѣдующую свою вѣдачу Сырниковъ, тасуя карты, обратился съ вопросомъ къ партнеру:

— А теперь вы не желали бы, чтобъ у меня было десять безъ козырей?

— Нѣтъ, желалъ бы.

— Пусть будетъ по вашему.

И Петръ Петровичъ вздалъ себѣ безукоризненныхъ десять безъ козырей. Калубинъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Сырниковъ смѣшалъ карты.

— Довольно, сказалъ онъ. Вотъ какъ надобно умѣть въ преферансъ, тогда не страшно.

— Да какъ же это, Петръ Петровичъ?...

— А очень просто, Андрей Ивановичъ, какъ сами знаете видѣть...

— Я не понимаю.

— Меня это и не удивляетъ.

— Но вы играете въ большую?

— Картъ не беру въ руки...

— Отчего же?

— Когда нибудь объ этомъ послѣ. Откровенно сказать, я не люблю, когда меня спрашиваютъ объ этомъ.

— Вы же обѣщали научить меня.

— Въ другой разъ, теперь не расположенъ.

Послѣднія слова были произнесены тономъ, недопуская-

шимъ возраженіи, тѣмъ болѣе, что Сырниковъ собралъ карты и положилъ ихъ въ ящикъ.

— Наднихъ, когда нибудь, продолжалъ онъ, я дамъ вамъ хорошій урокъ, а теперь могу только сказать, что вы плохо играете.

— Но, повторяю, что я выигрывалъ.

— Знаетъ дурацкое счастье, и притомъ ваши партнеры тоже тузоплены. Ну-съ, не видались ли съ пріятелемъ?

— Какъ же, не хотя отвѣчалъ Калубинъ, все вниманіе котораго было поглощено непонятными маневрами вѣдачи.

— Да вы, Андрей Ивановичъ, не сердитесь: я вѣдь оригиналъ въ вѣкоторомъ родѣ. Я вижу васъ забрала охотка проинкнуть въ тайны преферанса. Общаю вамъ сообщить многое, но только не теперь. Довольны ли вы?

— Очень благодаренъ.

— Я васъ выучу какъ слѣдуетъ. Ну, и что же Хильковъ? Въ эмпирияхъ?

— Какое, Петръ Петровичъ! Жалко даже бѣдняка: у него что-то происходитъ съ предметомъ страсти. Просилъ завтра обѣдать и общалъ пораскавать.

— Жаль бѣднягу. Побѣжайте непременно. Что же онъ — съ носомъ?

— Кажется, около этого; подвернулся какой-то соперникъ.

— Побогаче, что ли?

— По его словамъ, какое-то загадочное существо. Но я еще ничего положительнаго не знаю. И такъ, рѣшительно вы мнѣ отказываете объяснить игру.

— Торжественно отказываю.

— Но, обладая такимъ искусствомъ...

— Вы хотите сказать — можно нажать состояніе?

— Еще бы!

— А добросовѣстно ли это? спросилъ Сырниковъ, искусно и быстро смотря чрезъ очки на своего собесѣдника.

— Я васъ не понимаю.

— Я говорю: честно ли издавать себѣ десять безъ козырей? Вѣдь это было бы шуллерство!

Калубинъ не отвѣчалъ; онъ что-то обдумывалъ.

— Но вѣдь этимъ мастерствомъ владѣютъ не многіе? спросилъ онъ, наковецъ, съ робостью.

— Конечно, не многіе. Что же изъ этого?

— Нѣтъ... я только такъ...

— А!..

Разговоръ какъ-то не клеился.

Часамъ къ семи Калубинъ ушелъ на вечеръ, а Петръ Петровичъ тоже собрался по какому-то дѣлу, и на прощаньи совѣтовалъ своему пріятелю вникать хорошенько въ игру и пользоваться промахами противниковъ.

Мы снова перенесемъ читателя въ кабинетъ Серединкина, который на этотъ разъ въ щегольскомъ костюмѣ ходилъ по комнатѣ рядомъ съ Петромъ Петровичемъ Сырниковымъ, который былъ ни кто иной, какъ знакомый намъ Стрѣловницкій.

— Ну, Кирилъ Павловичъ? что-жъ дальше?

— Дѣло на ходу, какъ слѣдуетъ, и много, много чрезъ двѣ, три недѣли...

— Это, кажется, однако же, послѣдній срокъ?

Стрѣловницкій засмѣялся.

— Задача такая трудная, что заняла меня самого не на шутку, и я подумываю, не прибавить ли мнѣ къ условию еще дней десятокъ.

— Вашими бы устами да медъ пить. Послушай, Кирилъ Павловичъ, вѣдь ты человекъ мало того, что уминый и опытный, но просвѣщенный, ты опять могъ бы бѣдить на рысакахъ.

— «Ле менъ дроже», какъ говорилъ покойный Мартабасовъ.

— Пустяки, для этого дѣла есть мастера, а главное нужна инициатива...

Стрѣловницкій махнулъ рукою.

— Все это я понимаю, и иной разъ подмынаешь, но случай, — и все летитъ въ дребезги.

— Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ, но, признаться, боюсь по окончаніи дѣла выдать тебѣ деньги на руки: вѣдь пропьешь въ одинъ день.

— Тысячу-то?

— Я далъ бы и больше, еслибъ зналъ, что пойдетъ въ прокъ.

— Объ этомъ послѣ потолкуемъ.

— Но расскажи же мнѣ, Бога ради, какъ ты съ такою быстротою открылъ вѣрные пути?

— А смѣлка зачѣмъ? Кубрацевичъ, положимъ, порядочный мужичина, но онъ былъ мнѣ полезенъ какъ чернорабочій. Отъ него я узналъ также, что работали и агенты Мерзашевского, только и начали дѣйствовать иначе. Я откопалъ protégé Хилькова и тотчасъ же взялъ рядомъ съ нимъ комнату, а мнѣ только этого и было надобно.

— Но, Кирилъ Павловичъ, твоя мысль пустить въ дѣло Сѣтоярова, такъ гениальна и неожиданна, что, признаюсь откровенно, когда ты потребовалъ у меня пятьсотъ рублей на расходъ, я минуту усомнился было въ искренности.

— Осторожность не мѣшаетъ. А между тѣмъ, это единственное средство ускорить развязку.

— Теперь вижу.

— Помилуйте, какъ же не воспользоваться такимъ превосходнымъ случаемъ. Сѣтояровъ молодецъ, красавецъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ, да онъ вскружить голову, если захочетъ, какой угодно женщинѣ. Молва о миллионѣ пущена въ ходъ, обставленъ онъ великолепно, а главное, ни Мерзашевскіе, ни Курдюковы, ни Доуэры не знаютъ, что это нашего поля ягода. Здѣсь, впрочемъ, вы сами помогали мнѣ, потому что я не зналъ о существованіи этого субъекта.

— Я сообщилъ тебѣ какъ новость. Малый подаетъ большія надежды: онъ въ Нижнемъ на ярмаркѣ дѣлалъ чудеса, но былъ пойманъ на удочку какимъ-то армяниномъ, который мало того, что обобралъ его, но и открылъ его профессию. Ему оставалось одно средство, ѣхать въ Москву или въ Петербургъ. Но въ Москвѣ живутъ многіе изъ нижегородскихъ его крестниковъ, и онъ припелся сюда и за бильярдомъ открытъ Кубраевичемъ.

— Открытіе не дурное, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту.

— Онъ началъ дѣла по бильярду не дурно, и оказывается мягкимъ, соглашается на всѣ условія.

— Сначала-то всѣ они мягки...

— Если, однако же, устроится дѣло съ Хильковымъ, Сѣтоярова можно будетъ принять въ долю; я убѣжденъ, что онъ доставитъ много дѣлъ чрезъ женщинъ.

— А въ мавинулія каковы?

— Испытывалъ кое въ чемъ. Техника не дурна, только во стоѣ нѣтъ чистоты въ отдѣлкѣ. Банкъ тянетъ не худо, только увлекается.

— Можно попридержать. Ну, а Мерзашевскій?

— Злитъ на меня страшнымъ образомъ, но подсылаетъ.

— Да вѣдь изъ него какая же польза?

— Ну, этого не говорите. Дайте мнѣ обработать Пахилова и Хилькова, и примусь и за Мерзашевского съ братією.

— Нешто есть на предметъ ловецъ?

— Денъка два, три, повремените и увидите настоящее сокровище.

— Однако, до свиданія, Михайлъ Михайловичъ, — мнѣ надо къ своему штенчику, хочу дать первый урокъ. Собственно говоря, теперь все зависитъ отъ Сѣтцова.

— Прощай, Кирилъ Павловичъ, мнѣ признаться и самому некогда.

Сыриковъ, котораго отнынѣ будемъ называть Стрѣловническимъ, два дня не являлся на свою квартиру. Калубинъ въ это время былъ въ постоянномъ волненіи: ему такъ хотѣлось познакомиться съ тайнами преферанса, а тутъ какъ нарочно сосѣдъ его словно кануль въ воду. Наконецъ, возвратясь изъ должности, онъ увидѣлъ ключъ въ двери Стрѣловническаго, и тотчасъ же постучалъ.

— Войдите! раздался знакомый голосъ.

— А! Петръ Петровичъ! Гдѣ же вы пропадали?

— Вадилъ въ Кронштадтъ, почтеннѣйшій! А вы что подѣлывали?

— Все у Хилькова больше, вчера даже не ходилъ играть.

— А до сего каково подвизались?

— Выигралъ не много, — да мнѣ какъ то страшно теперь и за карты вѣзаться.

— Ничего, ничего, мы поучимъ. Ну-съ, что-же, вашъ пріятель? Да не хотите ли сигару?

— Нѣтъ, ужъ попрошу послѣ обѣда. Могу сказать, что мой пріятель несчастный человѣкъ.

— Значить, отставка?

— Чистѣйшая.

— Любопытно.

— Я узналъ подробности. Отношенія его къ дѣвушкѣ были самыя чистыя и благородныя. Сама она, если не выказывала ему полной взаимности, то была съ нимъ необыкновенно внимательна, а старшая сестра почти обнадеживала Хилькова. Но на обѣду, а, кто знаетъ, можетъ быть и на счастье, явился какой-то сибирякъ, говорятъ, писанный красавецъ, ловкій, молодой, образованный и единственный наследникъ дяди, у котораго болѣе двухъ милліоновъ состояніи. Сибирякъ этотъ съ перваго же вечера пріударилъ за барышней, и пока Хильковъ, за полгода не перешедшій границы вздохозъ, идеальничалъ, этотъ въ какую нибудь недѣлю успѣлъ окончательна. Покрайней мѣрѣ, самъ Хильковъ сознается, что вся надежда потеряна.

— Бѣдный! ну что же онъ?

— Известно, хандрить, кутить, говорить, хочу; сильныхъ ощущеній подавай! Вчера у него играли въ карты.

— Вотъ какъ? Вы же пытали счастья?

— Во первыхъ, я въ ландскнехтъ не играю, а во вторыхъ, тамъ нужны сотни рублей.

— Ландскнехтъ игра хорошая. Знаете что, Андрей Ивановичъ? Сегодня вечеркомъ, если угодно, я повезу васъ къ одному старинному знакомому, гдѣ вы можете поиграть и въ карточки.

— Да вѣдь я, сами же говорите, плохо играю.

— Это ничего, я буду сидѣть возлѣ васъ.

Калубинъ очевидно повеселѣлъ.

— Конечно, по маленькой?

— Тамъ, любезный, самая маленькая по пятачку!

— Гдѣ же мнѣ?

— Денегъ я дамъ, пожалуй, будемъ играть въ половинѣ.

— Да вы просто благодѣтель.

— Теперь, я хочу соснуть, можетъ быть, просплю даже и обѣдъ, вы меня не будите, обѣдайте одни, — а вечеромъ будьте готовы.

Въ тотъ же день, около восьми часовъ, Стрѣловницкій представилъ Калубина своему пріятелю Василию Андреевичу Репейкину, занимавшему отличное помѣщеніе, и который принялъ молодого человѣка съ распростертыми объятіями, на томъ основаніи, что слышанъ о немъ отъ Петра Петровича, (просимъ читателей не забывать, что Кирилъ Павловичъ Стрѣловницкій выбралъ себѣ псевдонимъ Петра Петровича Сырникова). Они прошли прямо въ кабинетъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздались мелодическіе звуки фортепіано.

— Позвольте, я васъ представлю моимъ племянницамъ, сказалъ хозяинъ, да я думаю пора и чай пить. Милости просимъ въ гостинную!

Калубинъ остолбенѣлъ, когда его подвели къ дѣвушкамъ, сидѣвшей за роялю; онъ еще не встрѣчалъ подобной красавицы, но когда, бывъ представленъ этой красавицѣ, онъ обернулся за хозяиномъ къ другой особѣ, сидѣвшей на диванѣ, изумленіе его не знало предѣловъ, потому что эта была еще лучше и роскошнѣе. Молодые хозяйки приняли гостя чрезвычайно пріятливо, и Калубинъ совершенно растерялся, такъ какъ онъ, вообще, былъ весьма робокъ съ женщинами; но тѣмъ не менѣе онъ ощущалъ какое-то пріятное внутреннее

волненіе. Разговоръ шелъ довольно оживленный, въ которомъ и Калубинъ, по временамъ, принималъ участие, и бойкія дѣвушки наперерывъ старались быть любезнѣе съ гостемъ, который, видимо, подчинялся ихъ вліянію. Болѣе опытный собесѣдникъ замѣтилъ бы, что племянницы Репейкина принадлежали къ двумъ особеннымъ національностямъ, что у одной прѣбывался акцентъ еврейскій, а у другой польскій, но онъ и не тѣмъ былъ занятъ, и не обладалъ на этотъ счетъ достаточною смѣтливостію.

Вскорѣ начали появляться гости, болѣе или менѣе представительные, одѣтые весьма прилично, то негоціанты, то люди съ громкими титулами, и каждый изъ нихъ, по предложенію хозяина, охотно знакомился съ Калубинымъ. Пріѣхали какіе-то молодые люди тоже въ первый разъ съ однимъ изъ короткихъ знакомыхъ, и этихъ обѣ барышни осмыслили любезностями. Подали чай, и когда набралось человѣкъ двѣнадцать, слуги раскрыли нѣсколько карточныхъ столиковъ.

— Не отказывайтесь, шеннулъ Стрѣловницкій Калубину, и придержу, садитесь, по чемъ предложить.

Калубинъ кивнулъ головою. Но къ нему уже подходилъ хозяинъ съ колодою картъ въ рукѣ.

— Вы играете?

— Да, въ преферансъ.

— Хотите по большой?

— Лучше бы по маленькой.

— Въ такомъ случаѣ, Петръ Петровичъ, вотъ тебѣ карты, усаживай г. Калубина въ кабинетъ, тамъ готовъ для васъ столикъ.

Калубину пришлось играть втроемъ съ однимъ толстякомъ, и высокимъ господиномъ, обросшимъ рыжею бородою, истребиной носъ котораго загнбался крючкомъ къ широкому рту, изъ котораго торчали кривые зубы. Стрѣловницкій сѣлъ около своего пріятеля. Толстякъ объявилъ пятачекъ; оба партнера изъявили свое согласіе, хотя Калубинъ, видимо, вдрогнулъ, потому что одинъ разъ въ жизни игралъ по полкопѣйкѣ, а то постоянно по четверти. Но Петръ Петровичъ сидѣлъ тутъ же, и онъ мигомъ побѣдилъ свое смущеніе.

Пулька началась довольно удачно для новичка; нѣсколько разъ ему Стрѣловницкій подавалъ совѣты, имѣвшіе огромный успѣхъ, и не прошло часу, какъ у Калубина оказалось въ выигранный около тысячи призовъ. Партнеры предложили еще пульку. На этотъ разъ Калубину везло не по прежнему, но

всетаки въ концѣ онъ выигралъ еще рублей двадцать, такъ что въ результатѣ приобрѣлъ сумму въ семдесятъ рублей.

— Довольно, будетъ съ васъ, шаннулъ ему Стрѣловницкій, и Калубинъ отказался, когда партнеры предложили записать еще по полтораста. Молодой человѣкъ не слышалъ земли подъ собою и горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, какъ будетъ велика его доля, потому что онъ при пяти копѣйкахъ, не смѣлъ рассчитывать на половину съ Петромъ Петровичемъ.

— Петръ Петровичъ! сказалъ онъ, отойдя подальше, — получите же ваши деньги.

— Э, успѣемъ! объ этихъ вещахъ неприлично говорить въ обществѣ: придемъ домой и подѣлимся.

Въ гостиной между тѣмъ шла игра другого рода. Тамъ новые знакомцы молодые люди сражались каждый особо, одинъ въ палки, а другой въ пикетъ, и возлѣ каждого изъ нихъ сидѣла обязательная молодая хозяйка. Молодые бойцы играли съ переменнымъ счастьемъ, но больше побѣда клонилась на ихъ сторону. Калубинъ переходилъ отъ одного столика къ другому и весь былъ поглощенъ вниманіемъ къ большой игрѣ. Послѣ роскошнаго ужина, Стрѣловницкій, однако-же, увезъ его домой, а по прѣѣздѣ на квартиру, Петръ Петровичъ взялъ съ него только половину выигрыша, объясняя, что предлагалъ ему денегъ на случай проигрыша заимообразно, но что игралъ съ нимъ не болѣе, какъ въ половинѣ. Лежась спать, онъ какъ-то настоятельно требовалъ, чтобы Калубинъ навѣстилъ своего пріятеля Хилькова.

Хильковъ, котораго мы давно не видѣли, ударился изъ одной крайности въ другую: прежде невозможно было застать его дома, теперь онъ положительно никуда не выѣзжалъ, по скучать не имѣлъ времени, ибо, при его средствахъ, у него не могло быть недостатка въ гостяхъ, была бы только добрая воля для пріема. А онъ именно находился въ такомъ состояніи, что ему не слѣдовало оставаться одному, такъ какъ онъ заниматься чѣмъ нибудь серьезнымъ не любилъ, или, ифрнѣе сказать, даже не умѣлъ, а горе его было слишкомъ еще живо, и онъ не зналъ какъ убить время безъ веселой компаніи. Въ кутежъ онъ не ударился, но былъ не прочь вышить съ пріятелями. Больше всего развлекала его игра, за которую онъ и принялся. Мы расскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ его исторію. Ему шибко понравилась молодая дѣвушка, которая только что вышла изъ учебнаго заведенія, и едва ли

это не была его первая любовь, если не считать одной студенческой страсти, весьма, впрочемъ, платонической, къ одной восторженной замужней барынь. Дѣвушка обладала замѣчательною красотою и такъ какъ не имѣла родителей, то и жила у старшей сестры, которая, не бывъ замужемъ, пользовалась покровительствомъ одного тогдашняго туза и принимала у себя кружокъ блестящей молодежи. Независимое положеніе Хилькова и его состояніе не было тайною для опытной барыни, и она намѣтила его въ мужья для сестры; но Хильковъ какъ-то къ супружеству оказался весьма робокъ, а главное не видѣлъ со стороны дѣвушки особенной привязанности, и замѣчалъ даже, что она по временамъ гораздо болѣе любезничала съ красивыми гвардейцами. Впрочемъ, въ послѣднее время, ему начали отдавать явное преимущество, и Хильковъ сталъ увлекаться, онъ, какъ это и бываетъ съ молодостью, не замѣчалъ самаго главнаго, что владычица его сердца была сильно проста и скорѣе походила на послушное орудіе въ рукахъ сестры, нежели на самостоятельную личность. Но тутъ-то какъ нарочно подвернулся богатый сибирякъ, и когда запахло милліонами, и притомъ сибирякъ, независимо отъ рѣдкой красоты, оказался образованнымъ, веселымъ и влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ, то и сердце хорошенькой статуйки не могло не растаять, и она положиительно оставила Хилькова. Послѣдній ощутилъ ревность, оскорбился предпочтеніемъ и задумалъ покончить съ любовью, которую считалъ еще недавно вѣчною и несомнѣнною. Его больше всего огорчило то обстоятельство, что онъ началъ, было, склоняться и на узы Гименей.

Такой оборотъ дѣла чрезвычайно былъ неприятенъ для Калубина, не потому, чтобы послѣдній ужъ слишкомъ сочувствовалъ горю пріятеля, а оттого, что Хильковъ просилъ его переѣхать снова къ нему на квартиру. У Калубина не было благовиднаго предлога отказаться отъ подобной просьбы, исполненіе которой, однако-жь, подрѣзывало въ самомъ корнѣ таинственныя его надежды. Съ Калубинымъ произошелъ переноротъ: онъ вкусилъ уже отъ древа познанія добра и зла, какъ выразился о немъ Стрѣловницкій въ интимномъ разговорѣ съ Середкинскимъ, и потому для него казалось лишеніемъ и даже нѣкотораго рода несчастьемъ переселеніе къ Хилькову.

Въ горѣ, едва не со слезами, онъ пошелъ сообщить грустное извѣстіе Стрѣловницкому и попросить у него совѣта. Пешъ Петровичъ посмотрѣлъ на это дѣло иначе и сказалъ,

что, по его мнѣнію, Калубину тотчасъ же слѣдовало переѣхать къ Хилькову, если онъ желаетъ сохранить съ нимъ прежніе отношенія.

• Молодой человѣкъ замислялся. Очевидно, онъ хотѣлъ представить причину, высказать которой не рѣшился.

— Переѣзжать сегодня же, вотъ мой совѣтъ, говорилъ Стрѣловникій.

— Но... въ такомъ случаѣ...

— Нельзя будетъ играть въ карты, что ли? спросилъ, засмѣявшись, Петръ Петровичъ.

Калубинъ покраснѣлъ.

— Вы угадали.

— Простота, простота! Вы же сами говорите, что Хильковъ теперь картежничаетъ.

— Да, но игра совсѣмъ другая.

— Ого! Такъ вы серьезно хотѣли бы сдѣлаться игрокомъ?

— Вы угадали, только такимъ, какъ вы, Петръ Петровичъ.

Стрѣловникій пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Это какъ же, Андрей Ивановичъ: васъ привлекаетъ собственно страсть къ карточной наукѣ, или жажда пріобрѣтенія денегъ?

— И то и другое, проговорилъ робко Калубинъ.

— Небось, вы не прочь были бы и выдавать, какъ я?

Калубинъ молчалъ, но губы его дрожали, и глаза свѣтились какимъ то неестественнымъ блескомъ..

— Если я переѣду... меня не кому будетъ наставить... безъ васъ я не могу ни за что приняться..

— Кто же мѣшаетъ вамъ приходите ко мнѣ, или почему я не могу навѣщать васъ?

— Голубчикъ, Петръ Петровичъ, вы меня научите?

— Не знаю... Вотъ что: сегодня вечеромъ я повезу васъ еще къ другому пріятелю и оставлю, ибо мнѣ нужно быть въ другомъ мѣстѣ. Я передамъ васъ на руки хозяину. Вы не играйте сами, а присматривайтесь внимательно, а завтра утромъ расскажете мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ. Если послѣ этого, рѣшеніе ваше будетъ неизмѣнно, даю вамъ слово научить васъ, какъ слѣдуетъ. Теперь объ этомъ довольно... Расскажите мнѣ, кто бываетъ у вашего пріятеля, или кто съ нимъ играетъ?

— Побольшей части его прежніе знакомые, молодые люди.

Хильковъ сказывалъ, что играть, однако же, неприятно. Онъ три дни сряду проигрывалъ и платилъ чистыя деньги, а третьего дня, говоритъ, выигралъ рублей шестьсотъ, однако ему не отдали.

— Разумѣется, неприятно! Но вы знаете всѣхъ его по-сѣтителей?

— Знаю всѣхъ.

— И можете назвать?

Калубинъ назвалъ всѣхъ по фамиліямъ. Стрѣловницкій призадумался.

— Такъ они играютъ, вы говорите, въ ландскнехтъ?

— Нѣтъ, играютъ и въ банкъ.

— Кто же мечетъ?

— Не знаю.

— Но вы понимаете эту грамоту?

— Видѣлъ иногда, наши чиновники послѣ преферанса закладываютъ. Я пробовалъ понтировать по гривеннику. Скучно.

— Пожалуй, что и скучно, въ особенности по гривеннику. Ну, теперь до свиданія, мнѣ нужно по дѣлу. Вечеромъ будьте готовы. А вчера вамъ понравилось у Репейкина?...

— Еще бы?

— Привыкайтесь, что больше привлекало, пуляка или хорошенкія племянницы?

— Сказать по правдѣ, пуляка: если бы каждый день играть подобнымъ образомъ, и былъ бы счастливѣйшій въ мірѣ человекъ...

— Гмъ!

— Я, впрочемъ, рассказывалъ Хилькову о барышняхъ, и онъ мнѣ не вѣритъ, что онѣ такія красавицы.

— Современемъ можете его познакомить, пусть убѣдится лично. Однако, прощайте: меня ждутъ по очень важному дѣлу.

Вечеромъ, пораньше, Стрѣловницкій отвезъ Калубина изъ Середикину, который принялъ молодого человека чрезвычайно привѣтливо и даже дружески, и когда Петръ Петровичъ уѣхалъ, подъ предлогомъ проводить кого-то изъ близкихъ за границу, то хозяинъ, обвѣдя Калубина по всѣмъ ярко-освященнымъ комнатамъ, предложилъ покурить, пока съѣдутся гости. Изъ разговоровъ, онъ замѣтилъ только, что хозяинъ образованный человекъ, а по обстановкѣ видно было, что онъ обладалъ весьма большими средствами.

Мало по малу, стали сѣзжаться гости. Явился и Репей-

кинь и некоторые из тѣхъ, кого Калубинъ видѣлъ у послѣдняго, но общество собралось многочисленное и чрезвычайно разнообразное, такъ что вскорѣ вся большая квартира усталилась зелеными столиками, за которые и усѣлось человечество. Никогда, ни въ одномъ театрѣ, Калубинъ не чувствовалъ такого наслажденія, и, переходя отъ одного стола къ другому, жадно всматривался въ разныя игры, изъ которыхъ нѣкоторыя были для него совершенно незнакомы. Серединкинъ самъ не игралъ, но со многими былъ въ долѣ и не спускалъ глазъ съ молодого посѣтителя: онъ часто подходилъ къ Калубину и выражалъ сожалѣнiе, что молодой человекъ скучаетъ и предложилъ ему устроить маленькую партію. Не смотря на все желаніе, Калубинъ твердо помнилъ совѣтъ Стрѣловичаго и, отказался положительно. И вотъ, мало по малу, столики начали рѣдѣть; окончивъ ералашъ, цикеть, палки, преферансъ, нѣкоторые игроки уходили налѣво. Калубинъ отправился вслѣдъ за прочими и къ удовольствію увидѣлъ, что въ длинной, узкой комнатѣ, которая за часъ еще почти была темна, стоялъ большой столъ, покрытый синимъ сукномъ съ бахрамою, а за этимъ ярко-освѣщеннымъ столомъ сидѣло уже человѣкъ двѣнадцать. По срединѣ, у зеленого шкафа, воссѣдалъ высокій господинъ съ безобразно-длинными усами въ родѣ мѣтеля, въ огромныхъ очкахъ съ боковыми темными стеклами, а передъ нимъ лежали цѣлый ворохъ нераспечатанныхъ картъ, куча золота и голстыя пачки ассигнацій. Усатый господинъ металъ банкъ. Справа отъ него находился Репейкинъ и исполнялъ должность кассира. Калубинъ сидѣлъ противъ банкомета. Игра только что начиналась. На столѣ стояли кувшинъ съ сельтерскою водою и бутылки съ шампанскимъ, а также ящики съ сигарами и папиросами. Независимо отъ сильнаго освѣщенія, надъ банкометомъ устроена была яркая лампа, свѣтъ которой обливалъ послѣдняго сверху, отчего усатая фигура выкапывалась еще рельефнѣе. Лицо этого человека было неподвижно и безстрастно и такъ какъ глаза его были закрыты очками, то физиономія его не представляла никакого выраженія. Онъ металъ словно машина, ровно, медленно, тотчасъ же оставался при малѣйшемъ восклицаніи «атанде» показывать, по востребованію, выпавшія направо или налѣво карты, и не производилъ никакого звука.

Игроки привалили, и къ одиннадцати часамъ ихъ уже мало оставалось по гостинымъ комнатамъ: синій столъ едва вмѣщалъ посѣтителей.

Передъ банкومتомъ образовались значительныя кучи золота и ассигнацій. У Казубина духъ захватывалъ; его подымало поставить рублей пять, не отгибаться, по примѣру другихъ, и зацѣпить разомъ триста, четыреста цѣлковыхъ. Но онъ мало видѣлъ такихъ счастливицевъ, а большая часть игроковъ вынимали изъ кармана деньги, увеличивая ими массу, лежавшую передъ банкومتомъ, а были и такіе, которые оставили столъ съ мрачными физиономіями. Конечно, инымъ не везло, такъ что, къ полуночи, банкъ былъ сорванъ. Серединкинъ подошелъ къ банкometу, вынулъ изъ кармана пачку бизетовъ и передалъ ему, и тотъ въ ту же минуту обмѣнялъ у понтеровъ все наличное золото, счелъ, — разставилъ его столбиками, разложилъ ассигнаціи, распечаталъ новую колоду картъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ ожидалъ приказанія понтеровъ.

Казубинъ чувствовалъ родъ какого-то головокруженія, при видѣ такого множества денегъ, но головокруженія, похожаго на то состояніе, когда человѣкъ, стоя надъ пропастью, невольно наклоняется надъ нею и ощущаетъ непонятное желаніе ринуться въ бездну. Молодой человѣкъ два раза схватывался за карманъ съ намѣреніемъ вытащить двѣ синенькихъ и пустить на авось, — но его удерживалъ совѣтъ Петра Петровича «не играть у Серединкина», хотя это стоило ему порядочной борьбы, особенно, когда какой-то невзрачный и непріятный господинъ, отъ синенькой, не отгибаясь въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, взялъ болѣе пятисотъ рублей. Въ немъ преобладала жажда пріобрѣтенія; онъ даже не обратилъ вниманія на тѣхъ изъ понтеровъ, которые, проигравшись окончательно, присутствовали у стола съ растрепанными волосами, съ горящими взорами; онъ совершенно неспособенъ былъ къ роли наблюдателя, потому что самъ безотчетно стремился сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ, и только и видѣлъ, что колоду картъ въ рукахъ банкometа, и груды денегъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки. Еслибы онъ могъ въ это время взглянуть въ зеркало, онъ съ трудомъ узналъ бы свою собственную физиономію, какъ она преобразилась, какъ на этомъ лицѣ молодомъ и, повидимому, неспособномъ принимать ни малѣйшаго притворства, ясно и отчетливо отразились задушевныя его желанія. Его охватило то странное чувство, которое можно назвать обаяніемъ золота, и которое возникаетъ именно въ игорныхъ домахъ, гдѣ на столѣ лежатъ груды золота, когда вы убѣждены, что одна какая нибудь счастливая карта мо-

жеть сдѣлать насъ обладателемъ всей этой массы денегъ. Гдѣ игра идетъ на записку, хоть бы то и на большія суммы, на повичка это не произведетъ никакого впечатлѣнія, — но если выложены кучи денегъ, и, притомъ, сверкаетъ много золота, игрокъ поддается именно тому обаянію, которое нерѣдко оказываетъ самые губительные результаты.

Калубинъ выведенъ былъ, однако же, отъ своего безмолвнаго созерцанія. Къ нему подошелъ Серединкинъ.

— Вамъ скучно, молодой человекъ, сказалъ онъ, вы не играете?

— Да, и въ банкъ не играю, отвѣчалъ Калубинъ тономъ, въ которомъ пробивалось сожалѣніе.

— Можетъ быть, хорошо дѣлаете: вѣдь карта бумага. Не угодно ли закусить чегонибудь: ужинъ еще не скоро, — а тамъ, въ столовой, можно подкрѣпиться соленькимъ.

Калубину, правду сказать, не хотѣлось отходить отъ банка, — но не желая показать этого хозяину, онъ согласился и пошелъ вслѣдъ за Серединкинымъ по направленію къ столовой.

У закуски было немного гостей, да и тѣ явились на самое короткое время, достаточное лишь для того, чтобы выпить рюмку водки и съѣсть икры, балыка, грибовъ, селедки, разныхъ сыровъ, однимъ словомъ, всякой всячины, необходимой для утоленія или, лучше сказать, для возбужденія аппетита.

Калубину ѣсть не хотѣлось, да онъ былъ и не въ такомъ настроеніи, и потому, отвѣдавъ чего-то и то болѣе для виду, онъ собирался уже возвратиться въ игорную залу.

Серединкинъ взялъ его подъ руку.

— Миѣ кажется, я угадываю ваше намѣреніе, г. Калубинъ? сказалъ онъ.

Молодой человекъ смѣшался.

— Признайтесь откровенно, продолжалъ хозяинъ съ улыбкою, вамъ хотѣлось бы попытать счастья?

— Безъ сомнѣнія... во...

— Вы боитесь...

— Правду сказать, еслибъ здѣсь былъ Петръ Петровичъ...

— А! Но мы въ такихъ отношеніяхъ съ Петромъ Петровичемъ, что его друзья могутъ надѣяться на полное сочувствіе въ моемъ домѣ.

Калубинъ оставилъ глаза на Серединкина.

Последній выдержалъ этотъ взглядъ, въ которомъ отражались и какая-то боязнь, и нѣмой вопросъ, и вмѣстѣ неопредѣленная надежда...

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, хотите немного попробовать?

Въ голосѣ Серединкина было что-то обаятельное.

— Развѣ поставлю одну, двѣ карты, проговорилъ Калубинъ робко и краснѣя.

— Кто знаетъ, можетъ быть и повезетъ, только...

Серединкинъ остановился на минуту и оглянулся.

— Только, продолжалъ онъ, вы позволите мнѣ дать одинъ совѣтъ?..

— О, сдѣлайте одолженіе!

— Я познакомлю васъ съ однимъ господиномъ, который понтируетъ довольно оригинально — и вы ставьте лишь тѣ карты, какія онъ вамъ скажетъ. Но, понимаете, это должно быть въ величайшемъ секретѣ.

— Будьте увѣрены, что я никому...

— Петру Петровичу можете сказать, пожалуй.

И Калубинъ пошелъ въ игорную вельдъ за Серединкинымъ, который, выждавъ удобную минуту, подошелъ къ одному понтеру, шепнулъ ему что-то на ухо и представилъ гостя, какъ хорошаго пріятеля. Понтеръ этотъ былъ еще молодой человѣкъ съ эспаньелкой, съ быстрыми глазами, но крайне неопрятенъ, такъ что изъ-подъ пальто у него торчали весьма грязные рукава рубашки, и по всему видно было, что онъ рѣдко прибѣгалъ къ умывальнику. Онъ курилъ поминутно, — но самая манера этого куренія могла бы удалить отъ него брезгливаго сосѣда, потому что сигару свою онъ клалъ въ ротъ почти до половины и сосалъ ее съ какимъ-то отвратительнымъ чавканьемъ. Калубинъ помѣстился возлѣ этого неряшливаго господина и вынулъ изъ портмоне двѣ сивенькихъ, — а сосѣдъ пододвинулъ ему колоду понтерокъ; но молодой человѣкъ не ставилъ, а сначала присматривался. Дѣйствительно, личность, съ которою познакомилъ его хозяинъ, была оригинальна. Игрокъ этотъ, по фамиліи Пршельковскій, понтировалъ очень странно, по крайней мѣрѣ, для Калубина: онъ ставилъ по одной картѣ и весьма по маленькой — обыкновенно по пяти рублей — меньше куша не было — и вдругъ воскликнувъ атанде, — дѣлъ изъ карманъ, доставалъ пачку ассигнацій или банковый билетъ, и запуская брандера, какъ онъ выражался. Брандеръ этотъ оказывался постоянно въ нѣ-

сколько сотъ рублей, а пожалуй и въ тысячу, и чрезвычайно рѣдко ему не удавалась подобная штука.

— Ну, что же, милѣйшій юноша, обратился онъ къ Калубину, пора начать и вамъ.

— Не знаю, какую бы выбрать карту.

— А вотъ, позвольте, я выберу. Да какой вы думаете кушъ поставить?

— Пять рублей.

— Вотъ вздоръ какой — ставьте двадцать пять.

— Помилуйте, я боюсь...

Въ это время онъ случайно увидѣлъ, устремленный на него взоръ Середникина, и ему почудилось, что этотъ взоръ совѣтовалъ ему послушаться Пршельковскаго. Калубинъ живо добылъ изъ портмоне двадцати пяти рублевую бумажку, составившую главный фондъ его капитала, и, вздрогнувъ, положилъ на столъ.

— Слушайте команды, шеннулъ Пршельковскій, и покрылъ большую кучу денегъ какой-то картой, ищите скорѣе двойку.

Едва Калубинъ успѣлъ найти требуемую карту, какъ уже сосѣдъ его воскликнулъ рѣзкимъ голосомъ:

— Атанде!

— Банкометъ остановился.

— Небось, брандеръ, панъ Пршельковскій? спросилъ одинъ бородатый господинъ, у котораго шла на не огромная сумма.

— Нѣтъ, полубрандеръ.

Калубинъ получилъ толчекъ ногою и успѣшилъ поставить карту.

По второму абзугу двойка упала налѣво.

Пршельковскій зацѣпилъ сотъ восемь, — а Калубинъ четвертную.

— Теперь погодите.

— У васъ не идетъ? спросилъ обязательный банкометъ Калубина, котораго охватило какое-то непонятное чувство.

— Нѣтъ, прошенталь неофитъ. Не поставить ли пять рублей? спросилъ онъ тихо у сосѣда.

— Не совѣтую, — а погодите немного.

Въ слѣдующую талию Пршельковскій ставилъ мелкіе куши и большая часть его картъ была бита.

— Когда я васъ толкну, шеннулъ онъ Калубину, кричите «атанде» и ставьте шестерку на всѣ пятьдесятъ рублей.

Молодой человек исполнилъ приказаніе, и шестерка ему выиграла.

— Теперь съ васъ довольно, по крайней мѣрѣ, а уже не могу совѣтовать; ставьте сами, какъ хотите, но за успѣхъ я не ручаюсь.

— Но позвольте мнѣ посидѣть возлѣ васъ?

— О, сколько угодно. Увидите, какъ я буду играть несчастливо.

— Неужели вы можете проигрывать?

— И еще какъ!

Въ это время къ Пршельковскому подошелъ молодой малый съ раскраснѣвшимся лицомъ и съ растрепанными волосами.

— Какъ это вы запускаете брандера? спросилъ онъ, хотѣлъ бы поучиться, а то спустилъ уже тысячи полторы, — и я за весь вечеръ трехъ картъ не взялъ сряду.

— Да, бываетъ.

— Бываетъ, что корабли ломаютъ, а бываетъ, что и ничего не бываетъ. Однако, вы своихъ брандеровъ тащите порядочно. Нельзя ли мнѣ къ вамъ примазаться?

— Садитесь, проговорилъ, отодвигаясь, Пршельковскій, только, если не везетъ, прибавилъ онъ съ какой-то васмѣшливой улыбкой, не лучше ли отстать?

— Нѣтъ, ужь тутъ, видно, не отстанешь, пока не пробубенишься окончательно. Могу еще рискнуть тысячки двѣ съ половиною — капиталу хватить.

— А хватить, такъ работайте.

— Въ самомъ дѣлѣ, позвольте мнѣ примазаться къ вамъ хоть раза два, когда будете пускать брандера.

— Я никогда этого не дѣлаю, — но такъ и быть. Только меня что-то беретъ раздумье — не лучше ли дать тягу, — неравно проигреемся.

— Что-жъ? У меня есть въ Петербургѣ кредитъ — завтра же достану тысячи три, четыре: у насъ даже есть здѣсь получка.

— Да мнѣ-то не легче: вашего брата, московскаго купца не скоро одолѣнуть, а вотъ если и профершицируюсь, мнѣ плохо.

— Э, батенька, не такъ вы умѣете играть! Ну, что-жъ не ставите?

— Не хочется канитель тянуть, а подмываетъ запустить брандера.

— Ой-ли? а въ какую силу?

Пршельковский вынулъ банковый билетъ въ 1,000 цѣлковыхъ и показавъ.

— Была не была, и я ставлю такой же. Покажите мнѣ только вашу карту, и я васъ угощу завтра обѣдомъ у Бореля.

— Идетъ, потому что у меня будетъ даровой и хорешій обѣдъ. Однако, пора за дѣло!

И Пршельковский, отыскавъ карту, показавъ ее купчику, покрылъ билетъ и проговорилъ рѣзкое атаанда!

Банкометъ остановился.

— Вѣроятно, брандеръ? крикнулъ кто-то.

— И у меня идетъ, сказалъ купчикъ, положивъ туза на банковый билетъ.

По второму абдугу тузъ вынулъ направо.

Купецъ измѣнился въ лицѣ, но спокойно отодвинулъ тысячу, а Пршельковский съ проклятіемъ бросилъ свой билетъ почти въ лицо банкомету.

— Нельзя-ли быть повѣжливѣе! замѣтилъ обидчиво послѣдній.

— Извините — мнѣ стало досадно.

— Вы сегодня выиграли порядочно, — надобно же дать вдохнуть банку.

Пршельковский засунулъ въ ротъ почти всю сигару и началъ ее чавкать съ какимъ-то особеннымъ присвистомъ.

Калубинъ чувствовалъ вѣчто въ родѣ галлюцинаціи.

Купецъ поставилъ сто рублей и взялъ.

— Нешто пустить еще брандера? отнесся онъ къ Пршельковскому.

— Чортъ его знаетъ! Надобно бы, да боюсь — неравно обрѣжешься.

— Валийте!

— Нѣтъ, надобно пропустить эту талию — я не люблю, когда сподъ семерка, да еще пиковал.

Въ слѣдующую талию Пршельковский снова вынулъ тысячу и поставилъ девятку, — а купецъ рискнулъ только пятьсотъ и пустилъ выигрышные сто рублей на не. Но и девятка была убита.

— Нѣтъ, баста! сказалъ Пршельковский, на брандерахъ далеко не уйдешь. Буду резониться.

Около четверти часа онъ игралъ съ переменнымъ счастьемъ, но ставилъ мелкіе куши; купецъ слѣдовалъ его примѣру и выигралъ рублей двѣсти.

Наконецъ, Пршельковскій вынулъ бумажникъ и сталъ отсчитывать ассигнаціи.

— А что? спросилъ шепотомъ купецъ.

— Хочу поставить еще разъ тысячу.

— Мнѣ что-то страшно.

— Какъ знаете.

— Не поставитъ ли даму — если третій разъ выпадаетъ направо — двѣ уже вышли.

— Не всегда беретъ и четвертая. Нѣтъ, я рассчитываю не на даму.

И Пршельковскій началъ рыться въ колодѣ.

— Какую же? спросилъ купецъ тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Подлеца вазета, отвѣчалъ Пршельковскій тоже тихо, и положилъ карту на деньги.

Купецъ не выдержалъ и выложилъ послѣдній тысячный билетъ, прикрывъ его червоннымъ вазетомъ.

По второму абпугу вазеть упала направо.

— Это просто разбой! крикнулъ Пршельковскій и вышелъ изъ-за стола съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, отозвался кто-то.

Калубинъ тоже всталъ и судорожно сжалъ въ рукѣ выигранныя деньги. Оно просто растерялся.

— Ну, что? спросилъ у него Серединкинъ.

— Я... ничего... я выигралъ... но вашъ пріятель проигралъ, бѣдный, и очень много.

— Онъ отыграется, отвѣчалъ, улыбувшись, хозяинъ.

— Я только удивляюсь...

— Э, вы еще такъ молоды, что васъ можетъ удивлять многое. Но и очень радъ, — вы, по крайней мѣрѣ, выдержали свой первый дебютъ удачно.

Въ это время завязался какой-то громкій разговоръ между игроками, въ которомъ послышались очень крупныя слова въ родѣ «подлеца и шулеръ!» Но Серединкинъ бросился къ столу и кое-какъ уладилъ дѣло. Какой-то толстый прѣзжіи помѣщикъ завелъ исторію о передержкѣ.

— Уйдемъ отсюда, шепнулъ Калубину Пршельковскій, бѣда съ этими пьяными. Толстякъ наливался, у него двоится въ глазахъ и ему, Богъ знаетъ, что мерещится.

Калубину хотѣлось знать, въ чемъ дѣло, — но оставаться было не ловко, тѣмъ болѣе, что Пршельковскій, какъ чело-

вѣкъ близкій хвоянну, вѣроятно, имѣлъ свои причины увести его изъ игорной залы.

Въ дальнюю комнату, однако же, доносился громкій говоръ, и минуту черезъ пять толстякъ показався въ сопровожденіи Серединкина и еще одного почтеннаго старца, которые старались успокоить разгнѣваннаго. Серединкинъ увѣрялъ, что онъ бы обидѣлся, еслибы они ни были такъ дружески знакомы съ толстякомъ, и почтенный старецъ упрашивалъ послѣдняго взять назадъ свои оскорбительныя выраженія.

— Да вѣдь я это видѣлъ собственными глазами, какъ прогулялась бубновая пятарка! Неужели мнѣ не вѣрить собственнымъ глазамъ?

— Позвольте же вамъ замѣтить, сказалъ серьезнымъ тономъ Серединкинъ, неужели вы допустите, что въ моемъ домѣ и со мною въ долѣ можетъ играть шуллера?

— Я о васъ не говорю...

— Это все равно. Сколько вы проиграли на эту пятарку?

— Всего поставилъ шесть золотыхъ.

— Я вамъ возвращу ваши деньги.

— Я не хочу.

— Чего же вы требуете въ такомъ случаѣ? Вѣдь, послушайте, вы такъ оскорбили моего дольщика...

— Э, полноте, отзывался почтенный старецъ, мягкимъ голосомъ, мы вѣдь съ Федоромъ Ивановичемъ вмѣстѣ неуменно проигривъ по коньячку, такъ и не мудрено, что намъ двоятся въ глазахъ, онъ добрый малый.

— Да и я не злой человѣкъ, только вспыльчивый. Мнѣ проиграть сто, двѣсти рублей не бѣда, а показалось...

— Ну, Федоръ Ивановичъ, выпьемъ на мировую, и я самъ пойду метать, если такъ.

— Вотъ это дѣло другое.

— Но все же примиритесь прежде съ Василиемъ Андреевичемъ — онъ чрезвычайно обиженъ.

Почтенный старецъ пошелъ въ другую комнату и вывелъ банкютера, котораго мы уже видѣли за дѣломъ. Послѣдній унывался и какъ бы уступалъ только силъ. Лицо его выражало сильную степень раздражительности.

Что они говорили — осталось тайною для Калубина, потому что Пршельковскій отвелъ его по дальше и, сѣвъ за рояль, началъ немилосердно колотить по клавишамъ.

Дѣло окончилось, однако же, мирно, и когда Калубинъ черезъ четверть часа снова пошелъ въ игорную залу, тол-

стякъ по прежнему понтировалъ, а банкъ металлъ самъ Се-
рединкинъ, но металлъ съ бѣльшимъ успѣхомъ нежели его
дольщикъ.

Калубинъ не дождался ужина и отправился домой, горя
нетерпѣніемъ разсказать Петру Петровичу о своемъ успѣхѣ.

Стрѣловицкій уже спалъ, когда Калубинъ возвратился на
квартиру, но на другой день утромъ, часу десятомъ, разбу-
диль молодого человѣка и позвалъ его пить чай въ свой
номеръ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сказали онъ, когда заваренъ
былъ чай, и оба они усѣлись на диванѣ.

— Просто чудеса!

— А не сѣдлись нарать?

— Я твердо сѣдовалъ нашему совѣту, но Михаилъ Ми-
хайловичъ разрѣшилъ...

— И что же, небось, самъ сѣлъ возлѣ.

— Нѣтъ, но онъ поручилъ меня г. Пршальковскому.

— А!

— Я въ двѣ карты выигралъ семьдесятъ-пять рублей.

— Ого! это почище преферанса.

— Еще бы! А сколько на столѣ денегъ, просто глаза раз-
бѣгаются. Однако, меня удивилъ этотъ Пршальковский; уга-
дываетъ карты почти навѣрняка, и я же выигралъ по его
указаніемъ, а потомъ пошелъ проигрывать по тысячѣ.

— Всяко бываетъ...

— Петръ Петровичъ! я этого не понимаю! воскликнулъ
молодой человѣкъ тономъ, который такъ ясно обнаруживалъ
узнать что нибудь болѣе. Но Петръ Петровичъ хранилъ убій-
ственное молчаніе.

Въ это время Калубину подали записку отъ Хилькова,
въ которой послѣдній просилъ пріятеля переѣзжать къ нему
немедленно и прибавлялъ, что его одолѣла страшная скука.
Стрѣловицкій совѣтовалъ не терять времени.

— Но какъ же, Петръ Петровичъ, вы обѣщали...

— Поучить въ карты? А вы не отказались отъ своего
намѣренія?

— О, ни за что!

— Наука эта трудная, дается не всѣмъ и требуетъ много
силы воли и разныхъ другихъ условій...

— Понимаю и игру, какъ вы...

— И выдавай такъ же десять безъ козырей, не правда ли?

Молодой человек замедил.

— Угадывай карты, подобно Пршельковскому, продолжал Стрѣловницкій...

— Какъ первая, Петръ Петровичъ, а не послѣдняя...

— А почему вы знаете, что послѣдняя не угадана лучше первыхъ?..

— Я васъ не понимаю...

— Эхъ вы, простофиля. Поѣзжайте лучше къ другу, да рѣшитесь со своими чиновниками по четверти.

— Я вижу, Петръ Петровичъ, сказали печально Калубинъ, что вы не имѣете ко мнѣ довѣрія. Богъ съ вами!

— Такъ чего же вы хотите? объяснитесь прямо!

— Хочу играть, какъ вы.

— А хватить ли у васъ на это духу?

— Хватить.

— Съ какими бы это ни было сопряжено условіями?

— Да, проговорилъ, сверкая глазами, Калубинъ.

— Ну, пусть будетъ по вашему.

Стрѣловницкій вынулъ изъ комода нѣсколько колодъ картъ, съ которыми въ теченіе получаса показали такія диковинки Калубину, что послѣдній едва не ошалѣлъ отъ подобнаго изумленія.

Калубинъ, напримѣръ, металъ банкъ, самъ тасовалъ колоду, а Петръ Петровичъ ставилъ и бралъ карты на вѣрняка, предваряя впередъ, что будетъ дана та или другая карта. Когда же онъ самъ металъ банкъ или стосъ, онъ положительно билъ всѣ карты, какія бы ни ставилъ Калубинъ, но такъ, что молодой человекъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго обмана. Въ коммерческія игры Петръ Петровичъ издавалъ изумительно — и, вообще, произвелъ на своего адепта одурающее впечатлѣніе.

— Довольно! Я усталъ, проговорилъ онъ, бросая карты; но вы сами видите, что это трудная наука.

— Однако же, кому она далась, тотъ можетъ...

— Что можетъ?

— Жить богато.

— И ходить безъ сапогъ или очутиться въ Сибири на поселеніи.

— Собесѣдники замолчали. Стрѣловницкій оставался невозмутимо спокоенъ, — а Калубинъ дрожалъ словно въ лихорадкѣ.

— Такъ вы полагаете, что... это... опасно? спросилъ, наконецъ, послѣдній нерѣшительно.

— Для многихъ очень опасно.

— Но, Михаилъ Михайловичъ, а вы...

— Я, признаюсь, еще мало васъ знаю, Андрей Ивановичъ...

— Голубчикъ, Петръ Петровичъ! Не думайте дурно обо мнѣ: я умѣю быть скромнымъ.

— Это самое главное.

— Я никому ничего не скажу.

— И Боже васъ сохрани!

— Научите!

— Вы помните, что я вамъ сказала?

— Помню.

— То-то же. Игрокъ, настоящий игрокъ, понимаете, долженъ весь отдаться игрѣ, и вотъ его единственный кумиръ, продолжать опъ, указывая на разбросанныя по столу карты. Если вы чувствуете въ себѣ столько силы воли, чтобы побѣдить разные общественные предрассудки, чтобы смотрѣть на самаго близкаго человѣка, понимаете, денежнаго, какъ на свою оброчную статью, если вы въ состояніи пустить, не дрогнувъ, по міру богатаго пріятеля, тогда я къ вашимъ услугамъ, а итъ, то лучше и не затѣвайте.

Калубинъ молчалъ. У него на лбу выступили капли пота; лицо горѣло, во рту пересохло, дыханіе стѣснилось.

— Скажите же мнѣ, Бога ради, вы, Петръ Петровичъ... вы...

— Я игрокъ въ полномъ и возвышенномъ значеніи этого слова.

— А Репейкинъ и Михаилъ Михайловичъ?

— Игроки, но пониже, они еще только начинаютъ составлять фортуны.

— Но ихъ обстановка и ваша...

— Это ничего не значить. Я нажилъ полмилліона, перевелъ деньги за границу и живу тамъ баринкомъ, сюда же прѣхалъ по торговымъ дѣламъ.

— И не играете?

— Будетъ съ меня. Репейкинъ не сколотилъ и пятидесяти тысячъ, Серединкинъ можетъ быть и перевалилъ за пятьдесятъ — этотъ, впрочемъ, поидетъ далеко — малый теплый.

— А можетъ быть и я...

— Если вы меня поняли, то, кто знаетъ, можетъ быть и вамъ улыбнется фортуна. Только прежде обдумайте хорошенько.

— Мнѣ нечего обдумывать: я рѣшился, что будетъ, то и будетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я съ сегодняшняго же дня дамъ первую лекцію. Но вы не скоро выучитесь такимъ образомъ. А если хотите серьезно сдѣлаться игрокомъ, я вручу вамъ Середикинну, они вдвоемъ съ Репейкинымъ докончатъ ваше образованіе, поручивъ на первый разъ какое-нибудь дѣло, которое будетъ приносить вамъ извѣстные доходы. Будемъ откровенны. Я давно уже замѣтилъ въ васъ будущаго игрока, и потому и возилъ на вечера къ пріятелямъ: значить, не ошибся. Ну, признавайтесь, хотѣлось бы разбогатѣть?

— Еще бы!

— Но, понимаете ли вы, простофиля, что у васъ въ рукахъ средство, на первый же разъ получить десятковъ, другой тысячъ.

— Вы шутите, я не умѣю порядочно стасовать колоды.

— Стасуютъ за васъ другіе. Сколько, вы сказывали, тысячъ у вашего пріятеля Хилькова?

— Тысячъ за триста.

— Ну?

— Такъ что же?

— У него можно выиграть не меньше пятидесяти, а то и больше.

— Но вѣдь онъ, такъ сказать, мой благодѣтель.

— А я вамъ что говорилъ нѣсколько минутъ назадъ? Значить, я ошибся, и вы игрокомъ не будете.

— Да какъ же выиграть?

— Очень просто. Конечно, не вамъ предстоитъ эта работа, вы только... Но, кажется, я трачу слова на вѣтеръ...

— Почему же на вѣтеръ?

— А потому, что истинный игрокъ не долженъ стѣсняться никакими связями.

— Хотя это и жестоко, но если необходимо...

— И что же, собственно говоря, Хильковъ сдѣлалъ для васъ особеннаго? Но теперь не время философствовать. Какъ я вижу изъ вашихъ словъ, онъ самъ не прочь въ карты.

— И шибко играетъ.

— Лучше и удобнѣе случая представить себѣ нельзя. Вы просто возьте его сегодня къ Репейкину.

— Къ Репейкину?

— Конечно, вѣдь вашъ пріятель селадонъ, а я увѣренъ, что предмету его страсти далеко до извѣстныхъ вамъ племянницъ.

— Еще бы, я видѣлъ ее, она такъ себѣ.

— То-то же. Вы уговорите его, только съ условіемъ, чтобъ онъ не бралъ никого изъ своихъ знакомыхъ.

— Это можно будетъ уладить.

— А разъ, что вы съ нимъ прѣдете, онъ и безъ васъ отыщеть дорогу: обѣ сирены съумѣютъ приманить какого угодно молодчика. Въ недѣлю онъ будетъ обыгранъ. На вашу долю достанется тысячь десятокъ.

— Боюсь только, чтобы онъ не замѣтилъ.

— Это невозможно. Мы его обыграемъ, когда всѣ гости будутъ состоять только изъ своихъ: для этого назначится особый вечеръ.

— И Стрѣловицкій пристально посмотрѣлъ на Калубина.

— На васъ лица нѣтъ, Андрей Ивановичъ: у васъ происходитъ борьба. Повторю, еще время, считайте, что я пошутить, и дѣло съ концомъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, я вижу, что это не шутка, а серьезное и страшное дѣло; но я твердо рѣшился, и, конечно пельза, чтобъ я былъ равнодушень.

— О техникѣ не беспокойтесь; она не приходитъ скоро, но Пршельковский и Репейкинъ сихъ дѣлъ мастера, а если еще Серединкинъ дастъ нѣсколько уроковъ, карьера ваша составлена. И такъ, сегодня же переѣзжайте къ Хилькову, и, если можно, везите къ Репейкину.

— Вотъ посмотрите, Петръ Петровичъ, что онъ пишетъ: «на меня напала такая хандра, что хоть въ петлю; прѣзжай, можетъ быть, вдвоемъ придумаемъ что-нибудь».

— Значитъ, малый шовн распустилъ. Славная минута, чортъ возми! Если вы не привезете его сегодня къ Репейкину, вы будете мокрая курица. Однако — кстати! Вы не позабыли адреса.

— Нѣтъ, помню.

— Поѣзжайте и дѣствуйте. Я предупрежу своихъ. Не думайте, впрочемъ, что я дѣствую безкорыстно: мнѣ Репейкинъ долженъ около тысячи по старымъ счетамъ. Помните, что никому ни гу-гу. Дѣло пазнеть уголовицной; но съ другой стороны — золото, кумиръ человечества — и конечная цѣль жизни истиннаго игрока: «Все мое, сказала злато».

— Все мое, сказала булатъ! подхватилъ Калубинъ.

— Вреть онъ, вашъ булатъ, и если сказать правду, то онъ честѣйшій пась предъ золотомъ. Однако, поѣзжайте. Можете расхваливать Хилькову вечера, на которыхъ были, но ни слова о своихъ успѣхахъ.

— Которыми вамъ обязанъ.

— Конечно, мнѣ, — а теперь будьте обязаны собственной своей особѣ. Я сейчасъ ѣду предупредить Репейкина, и заверну къ Михаилу Михайловичу. Вашъ первый дебютъ можетъ начаться блистательно.

Серединкинъ еще спалъ, часу въ одиннадцатомъ, когда его разбудили, по настоянію Стрѣловническаго. Не успѣвъ умыться и протирая глаза, Михаилъ Михайловичъ вышелъ въ кабинетъ, громко требуя чаю.

— Здравствуй, Кирилъ Павловичъ: вѣроятно, съ добрыми вѣстями?

— Кажется, сегодня можете сдѣлать вступленіе.

— Неужто?

— Калубинъ вашъ душою и тѣломъ, и я полагаю, что нынче же вечеромъ онъ привезетъ Хилькова къ Репейкину.

— А не прямо ко мнѣ?

— Больше шансовъ на обаяніе племянницъ, Михаилъ Михайловичъ. Надобно дѣйствовать дипломатически.

— Конечно, если иначе нельзя...

— Я понимаю, что придется подѣлится по поламъ, — но вы забываете, что не на первый и не на второй же разъ добрые люди даютъ генеральное сраженіе.

— Правда, Стрѣловникій, правда: я со сна ослупѣлъ какъ-то. Сегодня даже проиграемъ немного, а завтра, пожалуй, выиграемъ тысячу другую, которою можно будетъ и подѣлиться, а тамъ...

— Но вы не откладывайте дѣла въ долгій ящикъ...

— А что?

— Во первыхъ, если Хильковъ появится у Репейкина и у васъ, то ничего нѣтъ мудреннаго, что можетъ попасть и къ Мерзашевскому, — а во вторыхъ, отпраздновать побѣду хотѣлось бы и мнѣ.

— Да развѣ же вы сомнѣваетесь?

— Я-то не сомнѣваюсь, — но одинъ взглядъ на ромъ или на коньякъ приводитъ уже меня въ какой-то трепеть.

— Неужели?

— Скажу откровенно, я очень радъ, что успѣлъ намагнитизировать Калубина. Изъ малаго, впрочемъ, можетъ современемъ выдти человекъ. Техники онъ еще не понимаетъ, но душа настоящего закала. Я, признаюсь, боялся, что признательность, дружба, благодетельство и т. п. помѣшаютъ ему

предать Хилькова; но вы съ Пршельковскимъ такъ его наэлектризовали, что онъ готовъ обмануть отца роднаго.

— А у меня вчера вышла исторія.

— Какая?

— Ты не знаешь одного толстика Гулючнина — прѣзвѣній степнякъ — и сюжетъ, не Богъ знаетъ, какой: всего можно разсчитывать тысяченьки на двѣ, на три. Цѣлый вечеръ замѣчалъ онъ за Василиемъ Андреевичемъ—должно быть не шеннудъ ли кто — и подмѣтилъ каналья пятерку...

— Неужь-то, Василий Андреевичъ?..

— Вотъ подите: кажется, вольты его специальность. — но какъ-то оплошаль. Говорить, что почувствовалъ въ пальцѣ судорожное движеніе.

— А вѣдь бываетъ. Но чѣмъ же кончилось?

— Примирилъ нашъ общій пріятель Дубининъ, а послѣ и самъ съѣлъ метать.

— И что же?

— Не дурно. Однако, надо заняться дѣломъ. Такъ вы полагаете, что Хильковъ сегодня у Ренейкина?

— Думаю, или долженъ придти къ заключенію, что я плохо знаю сердце человѣческое.

— Въ такомъ случаѣ времени терять нечего: ѣдемъ туда и начертимъ планъ кампаніи.

— Выпьемъ, однако же, по стакану чаю. Эй!

Явился слуга.

— Что же чаю! да приготовить одѣваться и привести поскорѣе карету на цѣлый день.

Не прошло и часу, какъ Серединкинъ и Стрѣловицкій позвонили у Ренейкина, который только что всталъ и очень обрадовался пріятному извѣстію. За завтракомъ, на которомъ присутствовали и хорошенькія племянницы, обсуждался только вопросъ—какъ должны были дѣйствовать дѣвѣцы относительно будущаго гостя, а потомъ въ кабинетѣ составилася триумфировать, заявившійся планомъ сраженія. Вечеромъ рѣшено было созвать только самыхъ короткихъ пріятелей, всего человѣкъ шесть, — а на другой день назначили гораде значительнѣйшую схватку у Серединкина. Окончательный бой отлагался до первой благоприятной минуты, потому что никто еще не анализировалъ субъекта и не могъ составить о немъ правильнаго понятія.

Но мы оставимъ шуллеровъ и перенесемъ на время въ квартиру Хилькова, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ перѣзда пріятеля.

Сперва, какъ мы видѣли, Калубинъ стѣснялся мѣнять свободную жизнь у кухмистерши на прежнюю зависимость отъ богатаго пріятеля; но послѣдній разговоръ его со Стрѣловицкимъ — разомъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его замыслы и побужденія. Онъ переѣзжалъ къ Хилькову съ какимъ то страшнымъ, но вмѣстѣ пріятнымъ настроеніемъ, и въ какой нибудь часъ времени успѣлъ переработать себя до того, что встрѣтилъ пріятеля довольно естественно, и хоть, положимъ, не могъ отрѣшиться отъ укоревъ совѣсти, однако возмимъ уже твердое намѣреніе, не слушаться этихъ укоревъ. Даже больше: войдя въ кабинетъ Хилькова, убранный довольно роскошно, онъ почувствовалъ смутное желаніе присвоить себѣ эту обстановку, и взоръ его съ какою то тревожною надеждою остановился на дѣвомъ верхнемъ ящикѣ стола, въ которомъ обыкновенно хранились деньги и банковые билеты.

Съ Хильковымъ тоже произошла перемена.

Наканунѣ, мимо его квартиры, пронеслась щегольская колеска, въ которой сидѣли — его возлюбленная съ сестрою, а противъ нихъ помѣщался его счастливый соперникъ, извѣстный ему подъ именемъ сибиряка Лудякова, — но котораго мы знаемъ за начинающаго шуллера Сѣгоярова. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на Хилькова, такъ что у него даже родилось желаніе наняться, и онъ покутилъ порядкомъ, провелъ за картами ночь, но, отрезавшись, совналъ много неприятнаго въ своей импривизированной оргіи. Никогда еще не встрѣчалъ онъ Калубина радушнѣе, и хоть по природѣ не былъ экспансивнымъ, однако самъ бросился на шею пріятеля при входѣ послѣдняго.

Черезъ нѣсколько минутъ, друзья сидѣли у камина съ сигарами.

— Ты что-то не въ своей тарелкѣ, Калубинъ, можно подумать, что ты переѣхалъ ко мнѣ безъ удовольствія.

— О, ты очень ошибаешься, я...

— Пронгрался что ли?

— Не то, но я встрѣтилъ...

— А! познакомился со стрѣлами амура!

— Самъ не знаю, какъ это случилось.

— Не у новыхъ ли знакомыхъ, помнишь — рассказывалъ.

— Именно.

— Не могу ни радоваться, ни печалиться: дѣвушка дѣвушка рознь, — а могу только сказать, что ты видишь на мнѣ примѣръ...

— Признаюсь Лёша, этот примѣръ немного меня останавливаетъ.

Хильковъ задумался.

— Значить, ты еще не совсѣмъ? сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи.

— Ганяться нечего — задѣть за живое, — но со мною случилось странное явленіе...

— Ну?

— Боюсь, что будешь смѣяться надо мною.

— Вотъ вадоръ какой! Говори, Андрей Ивановичъ — мы потолкуемъ.

— Видишь ли—обѣ дѣвушки такъ хороши, что я до сихъ поръ еще не знаю, въ которую собственно влюбился.

— Ха, ха, ха!

— Я говорилъ, что будешь смѣяться.

— Нѣтъ, это я отъ удивленія. Но, дѣйствительно, непонятная вещь.

— Я просто съ ума схожу: утромъ кажется, люблю одну, вечеромъ грезится другая, а пошелъ къ нимъ — чувствую, что влюбился въ обѣихъ разомъ.

— Вотъ исторія! Но будто бы уже онѣ обѣ одинаковыя красавицы.

— Не знаешь, которой отдать преимущество.

— Счастливецъ! проговорилъ Хильковъ со вздохомъ.

— Ты бы мнѣ могъ быть полезенъ.

— Напримѣръ?

— Дѣлать тебѣ нечего, ты скучаешь, подари мнѣ сегодняшній вечеръ, поѣдемъ туда, и ты, можетъ быть меня надумишь.

— Но какъ же? Во первыхъ, я не хочу быть въ женскомъ обществѣ, во вторыхъ, незнакомъ и не былъ съ визитомъ, въ третьихъ...

— Вотъ вадоръ какой! Кто же тебя заставляетъ любезничать? А относительно церемоній не безпокойся: мой другъ всегда будетъ принять какъ нельзя лучше,—и притомъ, такъ какъ ты съ нѣкоторыхъ поръ любишь играть въ карты, тебѣ будетъ отличная партія.

— Подумаемъ. Ты, впрочемъ, заинтересовалъ меня, мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось бы посмотреть на тебя въ принадлежкѣ дуализма. Кстати о картахъ — я думаю не бросить ли это удовольствіе.

— А что?

— Представь себѣ, вчера утромъ Желтиковъ, привелъ какого-то своего пріятеля, и мы сѣли въ табельку. Сперва я ничего не замѣтилъ, но потомъ явно увидѣлъ, что они стоворидились обыграть меня. Это свинство! Я рассчитала пульку, сказала, что болитъ голова, — но больше принимать Желтикова не стану.

— Здѣсь есть разные аферисты.

— Гдѣ ихъ ищѣть! А у твоихъ знакомыхъ игра большая?

— Порядочная.

— Если и и пойду, то собственно для тебя, Калубинъ, но врядъ ли буду играть.

Молодые люди позантракали и отправились на Невскій убитъ время до обѣда.

Въ другое время Хильковъ ни за что не поѣхалъ бы въ домъ, основываясь только на рекомендаціи Калубина и рассчитывая, что товарищъ везетъ его въ какое-нибудь чиновничье семейство, имѣющее претензіи на вечера и т. д.; но его заинтересовала разсказъ послѣдняго о необыкновенной красотѣ двухъ дѣвушекъ. Ему хотѣлось развлечься, притомъ же еще и потому, что чувства его нельзя было назвать глубокими, а если оно причинило ему страданія, то это уже вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія и ревности, что, какъ извѣстно, значительно усиливаетъ степень страсти. Ко всему этому Хильковъ былъ еще очень молодъ, и хотъ онъ въ первое время рѣшился не выѣзжать никуда, однако не могъ долго выдерживать подобнаго рѣшенія и случалось даже, что отправлялся въ спектакль, гдѣ не надѣялся встрѣтить предмета любви.

Нечего и говорить съ какимъ радушіемъ Ренейкинъ встрѣтилъ молодыхъ пріятелей и какъ обѣ хозяйки овладѣли ими съ появленіемъ ихъ въ гостиной. Хильковъ былъ, вообще, развѣшенъ, за словомъ въ карманъ не лазилъ, а потому вскорѣ завязался общій веселый разговоръ, въ которомъ принялъ живое участіе и Стрѣловницкій, представленный Хилькову Калубинымъ въ качествѣ искренняго друга.

Черезъ полчаса, во время чаю, Хильковъ, видимо, началъ находить удовольствіе въ новомъ обществѣ, но крайней мѣрѣ, Калубинъ давно уже не видѣлъ его такимъ веселымъ.

Между тѣмъ сѣхались гости, личности, которыхъ знакомилъ хозяинъ съ Калубинымъ подѣ именемъ негоціантовъ и помѣщиковъ, и которыя почтительно раскланивались съ барышнями, но не принимали участія въ общемъ разговорѣ.

— Не угодно ли составить партію г. Хильковъ? сказала Репайкинъ.

— Право, не знаю, и легко могу обойтись и безъ картъ, но если необходимо...

— Необходимости никакой нѣтъ...

— Впрочемъ, чтобъ не разстроить партію, могу сыграть пульку.

— Чтожъ вы въ преферансъ?

— Привыкаю, эту игру предпочитаю ералашу.

— Какъ угодно.

Однимъ, партія составила, и Хильковъ усѣлся въ табельку съ тремя господами по другтривенному. Калубинъ остался съ барышнями. Онъ замѣтилъ, что товарищъ его поглядывалъ на блондинку, и, къ величайшему его удивленію, не болѣе какъ черезъ полчаса блондинка съ какимъ то вязаньемъ присосѣдилась къ Хилькову, который занимался не столько игрою, сколько болтовнею съ очаровательною сосѣдкою. Чинно шла пулька, счастье служило попеременно всѣмъ партнерамъ, такъ что въ результатѣ Хильковъ проигралъ нѣсколько рублей и собственно отъ одной своей ошибки.

Сѣхались еще нѣсколько человекъ, и хозяинъ предложилъ банчикъ, въ которомъ приняли участіе всѣ гости, за исключеніемъ Калубина, который пришелъ къ Хилькову поучиться.

Хильковъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и игралъ безъ всякой системы, а просто очертя голову. Иногда онъ ставилъ большіе куши съ упорствомъ на одну карту и проигрывалъ, — а иногда бралъ, и если бы только захотѣлъ вести дѣло благоразумно, то не былъ бы въ убыткѣ. Но онъ бравировалъ фортуной, и хотя на шуллерскомъ совѣтѣ положено было играть первый вечеръ на счастье, однако Хильковъ проигралъ около тысячи.

— Не довольно ли, шепнулъ ему Калубинъ: ты начинаешь горячиться?

— Я это самъ вижу, отвѣтилъ тоже шепотомъ Хильковъ; но съ такими господами играть можно: былъ моментъ, когда я могъ насчитать полторы тысячи выигрыша — и, конечно, самъ не умѣлъ воспользоваться. Въ другой разъ я оберу ихъ до нитки.

— А каковы барышни?

— Дѣйствительно, прелесть! Не удивляюсь, что ты въ затрудненіи. Но объ этомъ послѣ.

— Что же г. Хильковъ, не ставите? Спросила Решекинъ.

— Будетъ на сегодня — со мной и денегъ нѣтъ больше.

— О, сдѣлайте одолженіе — сколько вамъ угодно?

— Признаюсь откровенно — не люблю ни играть въ долги, ни занимать денегъ.

— Но мнѣ совѣстно, что мы васъ обманули.

— Въ другой разъ и я обману васъ — круговая порука.

Въ это время явился Серединкинъ.

Хозяинъ познакомилъ его съ Хильковымъ, и послѣдній, проговоривъ четверть часа съ Михаиломъ Михайловичемъ — крайне былъ очарованъ его умомъ и любезностью.

— Вотъ что, сказалъ Решекинъ, Михаилъ Михайловичъ не любитъ азартныхъ игръ, по крайней мѣрѣ, не понтируетъ, и охотникъ въ пикетецъ или въ палочки. Не перекинетесь ли вы съ нимъ, г. Хильковъ?

— Развѣ по маленькой, отвѣчалъ послѣдній, свидѣтельствуя бумажникомъ — у меня осталось мало денегъ.

— Пожалуйста, не церемоньтесь — я могу охотно служить вамъ...

— Благодарю васъ.

— У меня есть около ста рублей, сказалъ Калубинъ.

— Это дѣло другое. Извольте, я сяду въ палки.

— И такъ, нечего терять драгоценнаго времени, замѣтилъ Серединкинъ, — пойдемте въ диванную.

Личность Серединкина такъ понравилась Хилькову, что онъ съ удовольствіемъ сѣлъ съ нимъ играть; но ему сдѣлалось еще веселѣе, когда къ ихъ столу подошли обѣ барышни. Блондинка вынимала ему на счастье фигуры, и онъ выигрывалъ изумительно. Два или три удара онъ взялъ полный комплектъ, а когда пришлось сосчитаться, — Серединкинъ проигралъ около двухсотъ рублей.

— Нѣтъ, вамъ везетъ огромное счастье, сказалъ онъ — сегодня съ вами играть невозможно.

— А между тѣмъ, я только что проигралъ въ банкъ около тысячи. Впрочемъ, я и самъ утомился — дѣлмай вечеръ просидѣлъ за картами. Мы лучше попросимъ барышень сыграть намъ на фортепьяно.

— Я съ вами согласенъ, отвѣчалъ Серединкинъ, — по крайней мѣрѣ, мы оба останемся въ выигрышѣ.

Дѣвицы не отказывались, — но ни та, ни другая не оказали большихъ музыкальныхъ способностей и не шли да-

дѣе самыхъ легонькихъ полекъ и вальсовъ, разыгранныхъ весьма посредственно. Напрасно Хильковъ изъ кучи воть, лежавшихъ на фортепьяно, выбиралъ хорошенькія пьески изъ оперъ: барышни находили предлогъ отговориться, а блондинка шепнула, наконецъ, Хилькову, что дяденька не любить музыки во время банка.

Спорить противъ этого было нечего, и они все уѣхали въ диванной. Серединкинъ вскорѣ сдѣлался душою бесѣды, рассказывая скандалы изъ разныхъ слоевъ общества и пересыпая свои рассказы остротами, вызывавшими смѣхъ его слушателей.

Скоро подали ужинъ, послѣ котораго Хильковъ тотчасъ же уѣхалъ, давъ слово Серединкину пріѣхать къ нему на другой день на вечеръ, и смѣясь прибавилъ, что возьметъ съ собою побольше денегъ.

Дорогою приятели весело разговаривали, и Хильковъ подтрунивалъ надъ Калубинимъ, или лучше сказать, надъ вершинимостью послѣдняго относительно выбора красавицы. По пріѣздѣ домой, однако же, молодые люди скоро разошлись по своимъ комнатамъ, такъ какъ было довольно поздно, а Калубинъ имѣлъ на утро какое-то срочное занятіе. На другой день къ Хилькову пріѣзжали съ визитомъ Репейкинъ и Серединкинъ, изъ которыхъ въ особенности послѣдній, какъ очень умный и образованный человѣкъ, былъ чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ. Репейкинъ говорилъ мало, но опытнымъ взоромъ оглядывалъ всю обстановку молодого человѣка, утѣшаясь мысленно, что Хильковъ, дѣйствительно, богатъ, и вмѣстѣ сокрушаясь, что значительно большая часть выигрыша достается на долю не ему, а Серединкину. Репейкинъ не могъ еще дѣйствовать самостоятельно, и хотя имѣлъ порядочный процентъ, однако, по выраженію шудлеровъ, работалъ еще на Серединкина, такъ какъ послѣдній имѣлъ больша средства и двигалъ нѣкоторымъ капиталомъ. Хотя Мерзашевскій и дѣлалъ Репейкину выгодныя предложенія, однако послѣдній имѣлъ много причинъ не довѣрять этому господину, который не разъ показывалъ самымъ гнуснымъ похлываніемъ обчитывать своихъ сообщниковъ, вслѣдствіе чего Репейкинъ и держался Серединкина, конечно, до какого нибудь удобнаго случая выйти на самостоятельную дорогу. Серединкинъ самъ, нѣкоторымъ образомъ, тяготился этимъ сообщничествомъ, потому что Репейкинъ изъ всѣхъ подвластныхъ

ему шуллеровъ выказывали болѣе порядочности въ обстановкѣ и все таки имѣлъ хоть небольшія денженки и нерѣдко зарабатывалъ, помимо вѣдѣнія своего патрона, въ особенности обдѣлывая молодыхъ кунчиковъ, между которыми пользовался извѣстнаго рода популярностью. Репейкину не доставало образованія и тонкихъ стратегическихъ соображеній, которыми обладалъ въ высшей степени Серединкинъ и потому онъ пока держался послѣдняго и дѣйствовалъ съ нимъ за одно въ значительныхъ операціяхъ.

Хильковъ, какъ мы уже сказали, съ перваго раза прильнулъ къ Серединкину, а на Репейкина смотрѣлъ, какъ на дорогаго, простодушнаго человѣка, у котораго, впрочемъ, были двѣ прелестныя племянницы.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть и объ этихъ двухъ красавицахъ, нерѣдко появляющихся въ нашемъ разказѣ. Репейкинъ не имѣлъ никакихъ рѣшительно родственниковъ ни мужскаго, ни женскаго пола, а дѣвнцы, жившія у него въ качествѣ племянницъ, избраны были для шуллерскихъ цѣлей, въ числа тѣхъ созданій, какихъ всегда можно найти въ большой столицѣ, и которыми за деньги будутъ играть какую угодно роль, если только эта роль имъ по силамъ. Одна изъ дѣвицъ была полька, а другая крещеная еврейка, обѣ родились въ Петербургѣ и обѣ съ очень ранняго возраста пущены были по той дорогѣ, на которую не трудно увлечь молодую дѣвушку у насъ, въ Петербургѣ. Полька получила хоть маленькое образованіе, но еврейка рѣшительно никакого; но обѣ, надѣленные отъ природы рѣдкою красотою и достаточно ловкія — съ успѣхомъ могли служить орудіями для темныхъ цѣлей Репейкина и Серединкина, служа вмѣстѣ для обоихъ шуллеровъ пріятнымъ развлеченіемъ.

Это была такая приманка, на которую ловился не одинъ неосторожный джентльменъ, проигрывая значительныя деньги только потому, что посѣщалъ домъ, въ которомъ обитали красавицы. Это поддѣйствовало даже на Хилькова, который, не смотря на то, что еще не могъ и не успѣлъ забыть предмета недавней страсти, находилъ въ одной изъ нихъ, именно въ блондинкѣ, вѣчто неотразимое. Калубинъ, напротивъ, не поддавался очарованію, и все, что говорилъ относительно дѣвицъ Хилькову, была чистая выдумка. потому что въ этомъ молодомъ человѣкѣ мысль сдѣлаться шуллеромъ заглушала всѣ остальные стремленія и, по крайней мѣрѣ, въ описываемое

время, мечталъ лишь о томъ, какъ бы разбогатѣть на нѣсколько тысячъ. На вечерѣ у Серединкина собрались почти всѣ вчерашнiе гости, за исключенiемъ двухъ или трехъ человекъ изъ числа шуллерскихъ агентовъ, приглашенныхъ, видимо, для счета и для увеличенiя количества понтеровъ. Преферансъ и пазки поблагопрiятствовали Хилькову, и онъ съ какой-то непонятной увѣренностью въ счастье — отправлялся вмѣстѣ съ другими въ игорную комнату.

— Много ты выигралъ? спросилъ у него Калубинъ, столкнувшись у двери.

— Сотъ болѣе трехъ. А что?

— Я не совѣтовалъ бы тебѣ садиться въ банкъ, лучше поѣдемъ домой.

— Вотъ вздоръ! посмотришь, какъ я ихъ сегодня обработаю.

— Сомнѣваюсь, потому что ты горячишься.

— Ха, ха, ха! Ты равно тутъ ничего не понимаешь.

Первыя карты Хильковъ, дѣйствительно, бразъ, очерта голову, такъ что банку угрожалъ уже неминуемый взрывъ, еслибы молодой человекъ велъ себя благоразумиѣе. Но скоро фортуна поворотилась къ нему спиною, и велѣдъ за наличными деньгами пошли у него летать банковые билеты. Не прошло часу, какъ онъ проигралъ около пяти тысячъ — сумма, которую онъ захватилъ съ собою.

Серединкинъ подошелъ къ нему.

— Извините меня, сказалъ онъ, но вамъ такъ не везеть, что я совѣтовалъ бы вамъ переждать или и вовсе прекратить игру сегодня. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у меня въ домѣ...

— Э, все равно, въ чьемъ бы домѣ ни было, если не повезетъ, такъ не повезетъ. Впрочемъ, и и безъ того долженъ прекратить игру, потому что нѣтъ больше денегъ.

— Въ этомъ недостатка быть не можетъ, сдѣлайте одолженiе, я готовъ служить вамъ, сколько угодно, а сегодня съ Василиемъ Андреевичемъ играть невозможно.

— Дѣйствительно, контривать противъ него нельзя, но, мнѣ кажется, прометать было бы основательно.

— А! вы хотѣли бы прометать... Будьте добры, возьмите у меня.

— Право, не знаю. Впрочемъ, одолжите мнѣ тысячу до завтра, и попробую.

Разговоръ этотъ происходилъ почти въ подголоса.

— Знаете что, сказалъ Серединкинъ, я не хочу, чтобы эти господа видѣли вашъ заемъ, потому что нѣкоторые изъ

нихъ, проигравшись, могутъ обратиться ко мнѣ, погодите здѣсь, а я пришло вамъ черезъ г. Калубина.

— Благодарю. У меня осталось рублей сто, я буду понтировать по маленькой.

Серединкинъ подалъ знакъ Калубину, и послѣдній незамѣтно пошелъ вслѣдъ за обязательнымъ хозяиномъ.

Въ третьей комнатѣ, въ которой никого не было, Серединкинъ вынулъ билетъ въ 1000 рублей Калубину.

— Отнесите осторожно своему товарищу, сказала онъ.

И съ этимъ подалъ ему пачку ассигнацій.

— А это?

— Это ваша сегодняшняя доля: здѣсь ровно пятьсотъ рублей. Идите скорѣе, васъ ожидаютъ.

Калубинъ взялъ весьма равнодушно банковый билетъ, но пачка ассигнацій прикосновеніемъ своимъ словно обожгла его руку. Онъ въ первый моментъ готовъ былъ оттолкнуть эти деньги, но Серединкинъ уже скрылся, и молодой человѣкъ, заприставъ пятьсотъ рублей въ карманъ, постигившій передать билетъ Хилькову, который ожидалъ этой субсидіи съ нетерпѣніемъ.

— Я знаю, ты меня не слушаешься, сказала Калубинъ, но еще разъ совѣтую тебѣ не играть сегодня, шеннулъ Калубинъ, передавалъ деньги.

— Благодарю за дружбу; я и самъ не буду много рисковать, но на эту тысячу могу отыграться.

Заложивъ банкъ, Хильковъ какъ бы повеселѣлъ, но одинъ ветчанный гость не далъ ему, что называется, перевести духу и въ нѣсколько картъ овладѣлъ билетомъ.

Тогда Серединкинъ подошелъ къ Хилькову и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его не играть, хотя и завизжалъ шопотомъ, что готовъ денегъ дать сколько угодно.

Хильковъ поостерегся и не смотря на то, что Репейкинъ высылалъ на столъ цѣлую кучу золотыхъ, началъ раскланиваться, отказавшись даже отъ ужина.

Калубинъ съ притворною радостью послѣдовалъ за пріятелемъ, а пятьсотъ рублей, лежавшихъ у него въ карманѣ, все еще производили на него непріятное настроеніе.

Въ залѣ, на порогѣ въ переднюю, Хильковъ остановился и, прощаясь съ Серединкинымъ, сказалъ:

— Вотъ что я придумалъ, Михаилъ Михайловичъ: если можно, пригласите г. Репейкина и кого угодно изъ вашихъ гостей, съ которыми я игралъ, и не угодно ли пожаловать

завтра ко мнѣ. Я позабылъ пригласить ихъ лично, можетъ быть это и неловко.

— О, несколько. Я приѣду съ удовольствіемъ, и увѣренъ, что никто не откажется. Только лучше я приглашу однихъ порядочныхъ.

— Какъ знаете. И такъ, до завтра.

Утромъ, Стрѣловницкій, довольно рано, зашелъ къ Калубину и очень обрадовался, узнавъ, что Хильковъ еще спалъ послѣ вчерашняго проигрыша.

— А я къ вамъ съ порученіемъ отъ Михаила Михайловича, сказалъ онъ, осматриваясь.

— Что такое?

Стрѣловницкій вытащилъ изъ глубокихъ кармановъ палто дюжины полторы колоды картъ разнообразныхъ краповъ и достоинствъ.

— Компания ждетъ отъ васъ услуги, Андрей Ивановичъ. Нѣтъ сомнѣнія, что товарищъ вашъ будетъ метать банкъ, — а потому вы должны, во чтобы-то ни стало, подмѣнить двѣ, три колоды подходящаго крапа: на этомъ основано сегодняшнее побоище.

— Хильковъ говорилъ мнѣ, что пригласить одного своего пріятеля, московскаго кунца — тоже страшный богачъ.

— Тѣмъ лучше. Вамъ предстоитъ блистательный заработокъ. Действуйте, любезнѣйшій, и достигнете всего.

— А когда же вы меня поучите?

— Это не уйдетъ, я скажу вамъ откровенно, что учиться у меня не стоитъ — съ вами займется самъ Серединкинъ, который и есть настоящій сихъ дѣлъ мастеръ.

— Я, можетъ быть, скоро уѣду, прибавилъ Стрѣловницкій съ какою-то странною улыбкою...

— Мнѣ будетъ очень жаль...

— Однако, до свиданія, — а вотъ и книги, которыя принесъ я для близору.

И Петръ Петровичъ вынулъ изъ шляпы два желтыхъ томика.

— На всякій случай, можете сказать, что это настоящая цѣль моего путешествія. Да! Вы по прежнему отговаривайте пріятеля, когда онъ начнетъ проигрывать.

Вечеромъ собрались у Калубина кромѣ шулеровъ изъ шайки Серединкина еще нѣсколько знакомыхъ молодого хозяина, въ числѣ которыхъ были два богатыхъ человека, любившихъ перекинуться направо и налево. Коммерческія игры, начатыя для проформы, прошли безъ особенныхъ результатовъ; но

Хильковъ выигралъ у Серединкина въ палки пятьсотъ съ чѣмъ-то рублей и рассчитывалъ воротить въ банкъ хоть половину вчерашняго проигрыша. Какъ нарочно, онъ предъ концомъ игры поручилъ Калубину весть раздвинуть въ залѣ обѣденный столъ и приготовить карты. Последнему это было чрезвычайно кстати, потому что онъ, пользуясь случаемъ, ловко подмѣнилъ нѣсколько колодъ картъ, какъ атласныхъ, назначенныхъ для банкюмета, такъ и простыхъ, разложенныхъ для понтеровъ.

Хильковъ постоянно металъ то одинъ, то въ долѣ съ однимъ изъ богатыхъ прѣтелей, но такъ неудачно, что проигралъ на свой паи около десяти тысячъ, которыя заплатилъ безъ малѣйшаго подозрѣнія. Товарищъ его, московскій купецъ, тоже проигралъ тысячи четыре.

Необычайное счастье везло нѣкому Логану, настоящей національности котораго никто не зналъ, но который слылъ за богатаго молдавана. Всѣ проигрался, и въ томъ числѣ Серединкинъ заплатился двумя тысячами.

— Знаете что, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ послѣдній Хилькову, не заложить ли намъ вмѣстѣ для счастья: авось мы перебьемъ эту нелѣпную полосу.

Хильковъ медлил нѣсколько съ отвѣтомъ; въ немъ какъ бы происходила борьба съ самимъ собою.

— Идешь, сказалъ онъ отрывисто, попытаюсь въ послѣдній разъ. Мечте вы.

— Попробую. А по сколько?

— Да выложимъ по тысячѣ; неужели и теперь проиграемъ?

— Калубинъ! вели, братъ, готовить ужинъ, да прикажи подать новыхъ картъ.

Калубинъ поспѣшилъ исполнить порученіе товарища, велѣлъ готовить ужинъ и самъ принесъ четыре колоды картъ, которыя и положилъ передъ Серединкинымъ. Заложилъ новый банкъ. Логанъ началъ дѣйствовать попрежнему въ широкихъ размѣрахъ, но Серединкинъ безъ милосердія билъ почти всѣ его карты. За то какой-то отставной военный и Репейкинъ шли въ гору и, послѣ небольшихъ колебаній фортуны, сорвали банкъ.

Серединкинъ съ неудовольствіемъ бросилъ карты на столъ. Калубинъ подошелъ къ Хилькову.

— Извини меня, Алексѣй Ивановичъ, сказалъ онъ, но ты съ ума сошелъ — проигрывать такіе суммы.

Хильковъ кротко посмотрѣлъ на него.

— Можетъ быть, ты и правъ, Андрияша. Basta! я больше не играю. Господа, не угодно ли поужинать?

— Я тоже! воскликнул Серединкинъ. Довольно на сегодня. Завтра у Василя Андреевича, можетъ быть, отыграемся.

— Я самъ сегодня въ подмазкѣ на три тысячи, отозвался Репейкинъ.

— А я готовъ выложить, сказалъ Логанъ, потому что въ выигрышѣ...

— Нѣтъ, господа, возразилъ Хильковъ, пойдѣте ужинать лучше, а не то все простынетъ.

Довкимъ распоряженіемъ Серединкина всѣ почти шудера изливили перасположеніе играть больше, и послѣ ужина разѣхались. Хильковъ даже не общалъ положительно Репейкину прійхать къ нему на вечеръ, хотя послѣдній очень просилъ его и богатаго московскаго купца перекинуться по крайней мѣрѣ въ палочки. Хильковъ въ этотъ вечеръ не досчитался одиннадцати тысячъ, и обстоятельство это навело его на серьезные размышленія. По уходѣ гостей Калубинъ долго читалъ Хилькову нотацию, которую послѣдній слушалъ, сознавая всю ея основательность.

Извѣстный уже читателю, Мерзашевскій ходилъ въ обществѣ по своему кабинету и распекалъ барона и еще одну нахмуренную личность за бездѣйствіе, а главное за допущеніе Серединкина овладѣть Хильковымъ. Мерзашевскій позволялъ себѣ самыя неприличныя выраженія, считая, что, вслѣдствіе бездѣтельности кліентовъ, лишился нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

— Честное слово, сказалъ онъ, я выгону васъ обоихъ! Доносовъ вашихъ я не боюсь, потому что самъ имѣю въ рукахъ доказательство противъ васъ...

— Напрасно вы такъ говорите, Матвій Петровичъ, отозвалась темная личность, вы очень хорошо знаете, что доносить на васъ мы не будемъ, а въ томъ, что мы съ барономъ не успѣли, мы же сами виноваты.

— Какъ?

— Да такъ, отозвался баронъ, попросишь у васъ двадцать пять рублей на расходы, вы начинаете кричать и сердиться, а съ пустыми руками ничего не подѣлаешь...

— Клинусь честью — вы оба лѣтяти и дармоѣды! Развѣ же я спрашиваю у васъ, кого и на сколько вы обыграли?..

— Э, Матвій Петровичъ! Какъ будто вамъ неизвѣстно, что мелкому игроцишкѣ трудно обыграть.

— Я не о васъ говорю, а о баронѣ — онъ и тасовать мастеръ, и передернуть чисто.

— Но меня вездѣ знаютъ...

— Все это вздоръ...

Въ это время раздался такой сильный звонокъ въ передней, что послышался даже въ кабинетѣ и заставилъ всѣхъ троихъ шуллеровъ слегка вздрогнуть... Дверь съ шумомъ открылась и предъ Мерзашевскимъ предсталъ высокаго роста господинъ съ лошадиной физиономіей, нѣсколько косоватый, въ золотыхъ очкахъ и нѣсколько навеселѣ.

— Побѣда! побѣда! закричалъ онъ громкимъ голосомъ.

— Что такое?

— Дѣло важное...

— Прошу насъ оставить, обратился Мерзашевскій къ своимъ подчиненнымъ, ступайте въ гостиную, да не валяйтесь по диванамъ и не сорите паниросами.

— Ну, какое дѣло, Тайновскій? продолжалъ онъ, когда остался одинъ съ вновь прибывшимъ.

— А вотъ какое: сегодня мы можемъ накрыть Серединкина со всею его компанію...

— Будто бы?

— Непремѣнно. Вечеромъ у Серединкина окончательно разбиваются Хилькова, который попался въ сѣти. Приглашены одни только игроки. Я все это зналъ, скрежеталъ только зубами, но и намъ, Матвій Петровичъ, судьба благоприятствуетъ.

— Честное слово, вы меня радуете.

— Еще и не такъ обрадуетесь. Вчера пріѣхалъ изъ Кіева нѣкто Клиновскій...

— Ну? Богачъ?

— Не въ томъ дѣло: онъ въ настоящее время безъ гроша, но можетъ легко имѣть тысячи.

— Игрокъ?

— Великолѣпнѣйшій игрокъ. Онъ сидѣлъ въ острогѣ за обыграніе какого-то помѣщика, но освобожденъ и прибылъ въ Петербургъ искать счастья. Его прислалъ съ письмомъ одинъ мой родственникъ. Я уже его испытывалъ: это Александръ Македонскій въ своемъ родѣ...

— Какой Александръ Македонскій, тотъ что стулья ломаетъ?

— Эхъ, Матвій Петровичъ, я и позабылъ, что вы не далеки въ исторію!

— Клянусь честью, я самъ слышалъ въ театрѣ про Александра Македонскаго, который стулья ломаетъ...

— Клиновскій отличается тѣмъ, что передергиваетъ искуснѣе всѣхъ нашихъ и мечетъ такихъ кругляковъ, что самъ Дроздовскій въ подметки негодится...

— Честное слово, я не вижу...

— Да вѣдь вамъ необходимо разжевать и въ ротъ положить. Вы знаете, что всѣмъ намъ закрыта дверь у Серединкина, а я обдѣлалъ дѣло, что за дѣбети рублей Клиновскаго туда впускать.

— Ну?

— Ну, онъ обработаетъ дѣльце, потому что онъ заткнетъ всѣхъ за поясъ.

— И насъ надуесть.

— Надусть не можетъ: во первыхъ, онъ у меня въ рукахъ, во вторыхъ, за нимъ будутъ присматривать и въ третьихъ, онъ прѣѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ нашу компанію.

— Если вы уже такъ говорите, я согласенъ.

— То-то.

— А кто же отъ Серединкина къ намъ переходитъ?

— Александръ Игнатьевичъ.

— А! Честное слово, очень радъ, это человѣкъ надежный. Я виноватъ передъ нимъ немного и надѣялся, что насъ помирить ваша Ольга Ивановна. Клянусь честью, я хотѣлъ надикъ купить ей браслетъ.

— Слушайте же! Терять времени нечего. Я приведу вамъ сейчасъ Александра Игнатьевича, вы ему дадите тысячу пять для выставки, а я пойду за Клиновскимъ, которому въ карманъ необходимо тысячу, другую для блезире, это, пожалуй, я дамъ изъ своихъ, и дѣло въ шляпѣ. Александръ Игнатьевичъ доставитъ у Серединкина карты сегодняшняго крапа. Знаете ли, что бестія Серединкинъ выдумалъ какія-то золотистыя точки.

— Честное слово, онъ большой руки мошенникъ.

— Но мы его нагрѣемъ!

Мерзашевскій повеселѣлъ и по отѣздѣ Тайновскаго кивнулъ своимъ подчиненныхъ, обошелся съ ними уже не такъ деспотически и, пославъ обоихъ играть на бильярдѣ — одного къ Палкину, а другаго къ Доминику, далъ имъ по двадцати рублей для оборота.

Въ этотъ же самый часъ у Серединкина въ комнатѣ сидѣлъ Стрѣлолицкій, который пришелъ не въ урочный часъ и велѣлъ разбудить холаина. У Серединкина блестяли глаза, онъ съ жадностью слушалъ своего гостя.

— Кирилъ Павловичъ! ты золотой человѣкъ, тебѣ нѣтъ дѣны, и еслибы не проклятая страсть...

— Объ этомъ послѣ! Я сдѣлалъ свое дѣло — срокъ окан-

чивается, и я больше не въ состояннн. Сегодня вы обдѣлаете дѣло, завтра я приду за деньгами, но вы мнѣ не отдавайте всего...

— Конечно...

— По временамъ буду заходить, и вы мнѣ давайте этакъ рублей по пяти, даже по три... надо оставить, — кто знаетъ, можетъ быть, придется въ больницу...

— А что, забираетъ?

— Признаюсь, все сердце изныло... самый запахъ водки сдѣлался необыкновенно противенъ, и это у меня служить несомнннмымъ признакомъ того, что скоро зашью... нельзя уже проходить мимо кабаковъ, такъ и тнеть...

— Погибшая голова! Ну?

— Этотъ болванъ меня не знаетъ. Къ нему прѣхалъ какой-то родственникъ изъ Кіева, — а вчера вечеромъ къ нему заходилъ уже Александръ Игнатьевичъ.

— Хромоногій чортъ! Я его давно подозрѣвалъ... Ну, не на такого напали...

— Да вы насчетъ крапу не слишкомъ съ ними откровенничайте.

— Спасибо за вѣсти, я имъ подпущу такого крапу, что и своихъ не узнаютъ. Хромоногій знаетъ мои золотистыя точки, — а я на сегодня приготовилъ гениальннйшую пунктуацию...

— А вы, вотъ что: вы положите-ко на тузы и на осьмерки фальшивый крапъ и оставьте нечаянно на столѣ колоду: не равно забдетъ Александръ Игнатьевичъ, такъ и поймается словно куръ во щи.

— Спасибо, спасибо тебѣ, Кирилъ Павловичъ. А что Калубинъ?

— Изъ него будетъ прокъ. Ужъ вы, Михаилъ Михайловичъ, не оставляйте его — я его пустилъ въ ходъ, а вамъ предстоитъ окончательное образованіе юности.

— Хорошо, хорошо, я приму его въ долю.

— А теперь прощайте. Я пойду именно настраивать Калубина.

— Мы не думаемъ, однако-жъ, чтобъ сегодня окончательно разбили Хилькова: завтра еще у Репейкина...

— А я не думаю, Михаилъ Михайловичъ, чтобъ Хильковъ проигрался до нитки: больше пятидесяти тысячъ врядъ ли проиграетъ.

— И то хорошо.

И пріятели разстались.

Весь день Хильковъ былъ въ какомъ-то странномъ расположеніи духа. Какъ человѣку разсудительному, ему казалось неприличнымъ проигрывать по нѣскольکو тысячъ, и онъ укорялъ себя за свое поведеніе; но весьма естественное желаніе отыграться, напентывало ему свои соблазнительныя рѣчи, и онъ склонялся на послѣднее внушеніе.

Калубинъ, однако же, возставалъ противъ этого, и открыто заявляя свое неудовольствіе, приходилъ въ отчаяніе, что познакомилъ друга въ тѣхъ домахъ, гдѣ его такъ шибко обигрываютъ.

— Карты—бумага, гласить пословица, говорилъ Хильковъ съ улыбкою, а любви кататься — любви и саночки возить.

— Не бери съ собой много денегъ, Леша, сказалъ Калубинъ, собираясь уже на вечеръ.

— А знаешь ли ты, умная голова, что я и проигрался именно потому, что не имѣлъ большого запаса въ карманѣ. Ты не понимаешь силы капитала: онъ ломить все попадающее на встрѣчу. Напротивъ, я возьму сегодня много денегъ и надѣюсь, что переломлю эту несчастную полосу. За то дамъ тебѣ слово играть въ послѣдній разъ въ азартныя игры въ случаѣ неудачи.

— Смотри же — держи слово свято.

— Я и не поступаю иначе, Андрюша. Сегодня могутъ нанять у меня въ банкъ большія деньги, но завтра баста! Если угодно въ палки или въ пикетъ по цѣлковому — буду играть, а въ азартныя — ни за какія блага. Но посмотришь, что мы отыграемся. А когда же къ твоимъ красавицамъ, Калубинъ?

— Кажется, завтра хотѣлъ пригласить Ренейкинъ. Но если тебѣ не повезетъ.

— Все равно, поѣду играть въ коммерческія.

— Странно, что ты вдругъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ.

— Я имъ не сдѣлался, но ты не понимаешь, что значить увидѣть свою кровь.

Когда молодые люди пріѣхали къ Серединкину — гостей собралось уже довольно. Хильковъ нашелъ двѣ или три незнакомыя личности, а остальные были все тѣ же, съ которыми онъ уже встрѣчался. Его тотчасъ же засадили въ палки, но онъ игралъ, не хотя, не взирая на то, что выигрывалъ, — ибо могла ли его удовлетворить сумма въ нѣскольکو сотъ рублей, когда у него въ перспективѣ были тысячи. Хилькову хотѣлось на первый разъ только отыграть даже хоти и не все проигрышь, — но возвратить десятокъ тысячъ, и онъ все обдумывалъ планъ, какъ ему вести себя — метать или

понттировать. Изъ-за палокъ онъ всталъ, положивъ въ карманъ три радужныя бумажки.

Въ сосѣдней комнатѣ раздавался уже глухой, но обаятельный звонъ полумперьяловъ. Съ веселымъ выраженіемъ въ лицѣ, вступилъ Хильковъ въ игорную и, шутя, взялъ на счастье руку у Калубина.

Пропонттировать довольно скоро около трехъ тысячъ, Хильковъ изъявилъ желаніе прометать, — и Серединкинъ съ любезностью уступилъ ему свое любимое мѣсто водѣ изъ щитаго шкафа съ зелеными занавѣсками. Къ нему подмазывался одинъ хромоногій господинъ въ половину, но Хильковъ не согласился, рассчитывая попытать прежде одному счастья, — и выложилъ нѣсколько банковыхъ билетовъ по тысячѣ. Въ числѣ новыхъ понтеровъ былъ одинъ молодой человекъ приличной наружности, привезенный хромоногимъ господиномъ, который игралъ весьма осторожно, но нельзя сказать, чтобъ счастливо, — и на лицѣ его внимательный наблюдатель прочелъ бы изумленіе.

Когда Хильковъ распечаталъ карты и началъ тасовать, то у многихъ изъ понтеровъ появилось на лицахъ тоже нѣчто въ родѣ недоумѣнія, и нѣкоторые изъ нихъ, переглянувшись между собою, обратили, какъ бы по командѣ, взоры на Серединкина, который по прежнему оставался безстрастенъ и спокоенъ. Хромоногій господинъ даже наклонился къ нему и прошепталъ что-то, но Серединкинъ отвѣчалъ отрывисто и всталъ съ своего мѣста. Калубинъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на хозяина и ему показалось, что во взорахъ Михаила Михайловича отразилось приказаніе слѣдовать за нимъ. Машинально Калубинъ всталъ съ своего мѣста и послѣдовалъ за Серединкинымъ въ другую комнату, гдѣ послѣдній, дѣйствительно, подозвалъ его знакомъ руки.

— Идите за мною, шепнулъ онъ.

Черезъ минуту Калубинъ очутился въ спальнѣ, изъ которой съ поворотомъ секретной двери вступилъ въ маленькую, почти неосвѣщенную комнату. Серединкинъ подошелъ къ стѣнкѣ и посмотрѣлъ въ какую-то скважину, послѣ чего на шпичкахъ приблизился къ Калубину и сказалъ ему шопотомъ:

— И такъ, вы нашъ?

— Душою и тѣломъ.

Завтра получите десять процентовъ изъ сегодняшняго выигрыша, — а потомъ я пущу васъ въ ходъ. Ступайте осторожно къ стѣнѣ и взгляните въ стеклышко. Чтобы ни увидѣли — не обнаруживайте никакого удивленія.

Съ замираніемъ сердца Калубинъ исполнилъ приказаніе Серединкина и, пробравшись къ указанному мѣсту шагами осторожной кошкы, прильнулъ къ небольшому стеклышку. Потѣлу его пробѣжало волненіе, руки затряслись и зашатались, ноги, — но молодой человѣкъ не отходилъ отъ стѣнки, пока Серединкинъ не взялъ его за полу и не вывелъ въ спальню.

На Калубинѣ не было лица. Въ стеклышко онъ видѣлъ только гигантскія руки, на одной изъ которыхъ узналъ любимый перстень Хилькова, и въ этихъ рукахъ исполненскую колоду картъ, падавшихъ направо и налево. На рубашкѣ картъ, кромѣ обычнаго крапа, явственно видѣлись точки, сдѣланныя красными и синими чернилами на самыхъ уголкахъ, а нѣкоторые уголки были искусно помѣчены острымъ орудіемъ. Судя по огромнымъ размѣрамъ картъ, которыхъ величина была съ добрымъ фоліантъ, — стекло должно было сильно увеличивать. Свѣчи Калубину казались колонками, — а лицъ онъ не видѣлъ.

— Ну-съ, г. Калубинъ?

— Михайлъ Михайловичъ, вы...

— Геній хотите сказать! Да, батенька, въ нашемъ ремеслѣ, особенно въ нынѣшнее время надобно имѣть геніальныя способности. У меня сегодня есть три человѣка, изъ нашихъ же, которые пріѣхали съ цѣлью обиграть меня и моихъ гостей; но я оберу ихъ до рубашки. Ваша, впрочемъ, только доля изъ проигрыша Хилькова.

— Благодарю, благодарю. А знаете ли, онъ говорилъ, что если проиграетъ, то забастуетъ, и только будетъ въ коммерческія.

— Это еще гадательно. Но и въ коммерческія можно: привезите-ка его завтра къ Репейкину.

— Постараюсь.

— Однако, ступайте въ игорную. Я скоро приду самъ, а на обсерваторіи у меня есть довѣренный астрономъ.

Хильковскіе банки влетали на воздухъ одинъ за другимъ; многіе контеры также проигрывали, и въ числѣ послѣднихъ былъ и пріѣзжій молодой человѣкъ, шулеръ Клиневскій, посланный Мерзашевскимъ. Клиневскій подошелъ къ хромоногому господину и шепотомъ вступилъ съ нимъ въ совѣщаніе. Послѣдній казался весьма недоволенъ.

— Подлецъ перемѣнилъ крапъ, да и крапа совѣзмъ не видно, шепнулъ онъ. Я не знаю — слѣдуетъ ли намъ закладывать. Есть штука, но я ее не понимаю.

— На счетъ тасовки, Александръ Игнатьевичъ, искусства

мало, даже вольты не искусны: я это все обработаю гораздо лучше. Предложите Серединкину взять меня въ половину.

— И слушать не захочетъ.

— Дале бы хотѣ двадцать пять конфѣкъ.

— Это скарета такаа, что страхъ. Я, признаться, думалъ, что мы его облапошимъ просто на просто.

— Надо будетъ рискнуть послѣ ужина. А господчикъ принесъ довольно?

— Тысячъ около двадцать. Но подождите, что еще будетъ.

— Но вѣдь ваша доля ничтожная.

— Съ подобнымъ жидомъ какъ Серединкинъ ничего не подѣлаешь. Я прихожу къ тому заключенію, что деньгами Мерзашевского рисковать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что и сбился со слѣда сегодняшняго крапа, а дѣйствовать иначе — будетъ подозрительно. Здѣсь все свои. Васъ я привезъ подъ свою личную отвѣтственность — слѣдовательно, вы здѣсь лице безгласное. Если бы можно было нагрѣть Серединкина, я понимаю; но эта бестія гениально распорядилась, и никакое ваше искусство не поможетъ. Остается одно средство предостеречь этого молодого дурака и переманить его къ Мерзашевскому.

— Да я имъ поднесу кругляка.

— Откуда вы прѣехали? Неужели у васъ въ провинціи такое дурное мнѣніе о столицѣ. Мерзашевскій по своей простотѣ вѣруеть въ ваше чрезвычайное искусство; но, повѣрьте, что здѣсь за столомъ, кромѣ жертвы и его товарища, каждый игрокъ, если самъ не промечетъ кругляка, то по первой же талин узнаеть, какую угодно подтасовку. Вотъ если бы знать крапъ — другое дѣло, вы могли бы зацѣпить тысячу другую, но я садился возлѣ самаго банкюмента и ничего не замѣтилъ.

Хильковъ спустилъ сорокъ тысячъ — и всталъ изъ-за стола, какъ послѣ бани: лице все было красно и роскошные волосы развились и висѣли по бокамъ мокрыми прядями. Онъ искалъ глазами Калубина — и прямо подошелъ къ нему.

— Вдемъ, Андрюша, домой. Миѣ адски не везетъ. Я сперва было подумалъ не къ шулерамъ ли я попался въ лапы — но все время почти самъ металъ банкъ.

— Вдемъ. Значить, сегодняшній вечеръ послужитъ тебѣ урокомъ, и ты не будешь больше играть въ азартныя.

— Я далъ слово.

Въ это время Серединкинъ подошелъ къ Хилькову.

— Мнѣ остается одно утѣшеніе, сказалъ онъ, что не я обманулъ васъ. Но, признаюсь, еще никогда въ жизни я не видѣлъ подобнаго несчастья.

— Несчастье баснословное, и еслибъ я не самъ металл...

— Конечно, имѣли бы право усомниться въ партнерахъ.

— И хотѣлъ уѣхать, но какъ далъ товарищу слово не играть больше въ азартныя, то желаю сегодня еще пустять въ ходъ нѣсколько остальныхъ билетовъ.

— Не совѣтовалъ бы, замѣтилъ Серединкинъ серьезно: есть адскіе вечера, когда положительно играть не слѣдуетъ.

— Кто проигралъ сорокъ тысячъ, тому уже десять ничего не значить, тѣмъ болѣе, что уже никогда и не сяду въ азартныя игры, а между тѣмъ, могу уже рассчитывать на шансъ, послѣ неудачи.

— Не играй, Леша, упрашивалъ Калубинъ: послушайся дружескаго совѣта.

— Нѣтъ, Калубинъ: самое благоразуміе велить играть, и я всетаки буду метать, я не хочу повторять.

Прождавъ, пока сорванъ былъ ничтожный банкъ, заложенный кѣмъ-то въ шулеровъ, Хильковъ снова сѣлъ на заштѣнное мѣсто. Серединкинъ снова вызвалъ Калубина на обсерваторію. Тамъ занимался молодой человекъ, тщательно приглаженный и, при входѣ Серединкина, махнулъ рукою.

Послѣдній остался въ спальнѣ на порогѣ двери.

— Дѣло началось, шепнулъ онъ Калубину и потому не будемъ мѣшать.

Астрономъ внимательно смотрѣлъ въ свой телескопъ и по временамъ дергалъ за какую-то веревочку съ разными оригинальными приѣмами, что очень заняло Калубина.

— Вы думаете, что Хильковъ сдержитъ слово? спросилъ Серединкинъ, притворяя дверь въ спальню.

— Увѣренъ.

— Жаль, но мы нагрѣемъ его и въ коммерческія.

— Извините за вопросъ, Михаилъ Михайловичъ, объясните мнѣ, что дѣлаетъ вашъ астрономъ на обсерваторіи?

— Обманываетъ Хилькова на вірника. Видѣ вы смотрѣли въ трубу?

— Да.

— Что-жъ вы тамъ видѣли?

— Исполнскія карты.

— И, конечно, видѣли, что карты эти Хильковъ держитъ такъ, что замѣтны краешки четвертой и даже шестой карты.

Въ этомъ и вся штука: астрономъ наблюдаетъ, что можно поставить на вѣрную и посредствомъ телеграфа передаетъ одному бойцу свое наблюдение, а тотъ кричитъ атаке и валетъ на повалъ. Не правда ли, простая штука?

— Очень.

— А выдумать ее мнѣ стоило труда. Но пойдемъ, послѣднія десять тысячъ скоро перейдутъ къ намъ и finita la comedia. Съ чужими шулершкками не будетъ работы: смекнули подлецы въ чемъ дѣло. Особенно меня обѣситъ этотъ хромоногий: при дѣлжкѣ я ему шнуръ подъ носъ, и въ случаѣ чего велю сбросить съ дѣстницы, пусть говоритъ, что его разбилъ новый параличъ.

Дѣйствительно, въ какихъ нибудь часа полтора Хильковъ всталъ безъ гроша въ карманѣ. Калубинъ утащилъ его домой безъ ужина.

На другой день пріятели встали очень поздно. Хильковъ, который проигралъ около шестидесяти тысячъ, разомъ отрезвился и отъ своей несчастной любви и отъ жажды развлекаться сильными ощущеніями. Онъ рассуждалъ, впрочемъ, довольно справедливо, что, лишивъ себя части годового дохода, онъ даже не пошатнулъ своего благосостоянія, потому что могъ еще жить очень хорошо изъ остальныхъ двухсотъ пятидесяти тысячъ капитала. Конечно, ему было жаль бросить въ воду такую значительную сумму, но сдѣланнаго не воротить, и рисковать большими деньгами для того, чтобы отыграть проигрышъ — казалось ему дѣломъ положительно безумнымъ. Онъ даже не могъ отдать себѣ отчета — какъ онъ увлекся игрою до такой степени, не чувствуя въ себѣ картежника-скаго призванія.

За утреннимъ чаемъ онъ повторилъ Калубину свое обещаніе не играть болѣе въ азартныя игры и даже заявилъ, что нѣкоторое время совсѣмъ не намѣренъ брать картъ въ руки.

Калубинъ одобрилъ это намѣреніе, и молодые люди разошлись, условясь ѣхать вмѣстѣ въ маскарадъ Большаго театра.

Калубинъ отправился прямо къ Середниккину. Михаилъ Михайловичъ вышелъ съ подвизанною головою и отсчиталъ ему только двѣ тысячи, вмѣсто обещанныхъ пяти, на томъ основаніи, что у него съ товарищемъ вышли неприятности при дѣлжкѣ; что онъ рассорился съ многими товарищами, —

но обѣщавъ отдать остальныя три тысячи со временемъ. Подбитый глазъ Серединкина доказывалъ, дѣйствительно, что онъ подвергался неприятностямъ, но Калубина покорило немного, когда онъ получилъ менѣе даже половины того, что ему было обѣщано. Серединкинъ, впрочемъ, какъ человѣкъ практическій, объявилъ Калубину, что Хильковъ могъ быть извѣщенъ о заговорѣ и потому совѣтовалъ молодому сообщнику быть осторожнѣе—и предлагалъ, въ случаѣ надобности, свою квартиру. Безпокойство Калубина значительно усилилось, когда Михаилъ Михайловичъ объявилъ ему, что окончательно разошелся съ Рещейкинымъ, который оказался подлецомъ, и перешелъ на сторону Мерзашевского.

Возвращаясь домой въ странномъ и невеселомъ расположеніи духа, Калубинъ обогналъ на своей лѣстницѣ почтальона, онъ собирался уже позвонить, когда послѣдній оборотился къ нему съ вопросомъ не господинъ ли онъ Хильковъ.

— Да, отвѣчалъ Калубинъ.

— Вотъ вамъ письмо.

Схвативъ конвертъ и бросивъ почтальону пятіалтынный, онъ поспѣшилъ въ свою комнату, волнуемый какимъ-то предчувствіемъ. Немедля ни мало, онъ распечаталъ чужое письмо и узналъ, что неизвестная особа увѣдомила Хилькова о комплектѣ шулеровъ и предостерегала болѣе всего отъ Калубина. Молодой человѣкъ вадрогнулъ. Передъ нимъ начало являться настоящее его поведеніе, но онъ очень хорошо понималъ, что ему уже выхода не было.

Хильковъ сидѣлъ дома и занимался вознею съ бульдогомъ. Узнавъ о пріѣздѣ товарища, онъ поспѣшилъ къ нему.

— Поздравь, Калубинъ, и получай интересное письмо.

— Ну?

— Назначено свиданіе въ маскарадѣ. Написано немного безграмотно, однако, тѣмъ не менѣе, интрига. А ты надѣнешся повеселиться?

— Да! глухо проговорилъ Калубинъ, только у меня что-то голова побаливаетъ.

— Вотъ надоръ! Ты не былъ у своихъ красавицъ?

— Нѣтъ, я ходилъ въ департаментъ.

Калубинъ поджидалъ Стрѣловицкаго, отъ котораго надѣялся получить необходимыя свѣдѣнія, но ожиданія его не сбылись, и, волею неволею, онъ долженъ былъ ѣхать съ товарищемъ во французскій театръ, а оттуда въ маскарадъ.

Въ театрѣ онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, потому что ни-

дѣль Клиневскаго съ однимъ изъ пероковъ, котораго встрѣчалъ у Репейкина, — но оба эти господина, повидимому, не обратили на него вниманія.

Въ двѣнадцать часовъ пріятели ходили уже по залѣ Большаго театра. Хильковъ, обойдя вокругъ, остановился на условленномъ мѣстѣ у оркестра и ожидалъ черное домино съ трехцвѣтной кокардой на правомъ плечѣ и съ букетомъ, перенатымъ голубою ленточкою. Калубинъ съ безпокойствомъ блуждалъ между толпою.

Вскорѣ къ Хилькову подошла маска и повела его на верхъ въ просторныя залы фойе, гдѣ очень удобно было уединиться.

— Я хочу предостеречь тебя, сказала маска естественнымъ голосомъ, который показался знакомымъ Хилькову.

— Въ чемъ, милая маска?

— Въ томъ, что тебѣ обигрываютъ навѣрную.

— Можетъ ли это быть?

— И если ты не побережешься, то, будь увѣренъ, тебя оберутъ до нитки.

Хилькова ударило въ потъ. Ему самому мѣлкало неясно подобное подозрѣніе.

— Но кто ты? спросилъ онъ.

— Къ чему тебѣ знать? Я бѣдная дѣвушка, которая завтра же не будетъ имѣть пріюта...

— Какъ? Ты шутишь?

— Я не шучу, проговорила маска голосомъ, въ которомъ звучало какое-то горе: и я прѣехала въ маскарадъ, чтобъ спасти тебя отъ разоренія...

— Но чѣмъ же я заслужилъ твое участіе?

— Тѣмъ, что ты честный человѣкъ и попалъ въ шайку шулеровъ. Я сама обманута ими, и только вчера узнала ихъ продѣлки...

— Неужели ты...

Спутница Хилькова подвела его къ амбразурѣ окна и приподняла маску.

Молодой человѣкъ остолбенѣлъ. Передъ нимъ стояла блондинка, одна изъ племянницъ Репейкина.

— Такъ, значитъ, все это правда? воскликнулъ онъ.

— Суцная правда, отвѣчала дѣвушка, вадѣвая маску. Здѣсь не мѣсто, но если хочешь, пойдемъ куда нибудь, и тебѣ расскажу все и сообщу даже, кто предалъ тебя.

— Ъдемъ! Вѣрь мнѣ, что твое доброе дѣло не останется

безъ награды, и если только въ моей власти помочь тебѣ, ты можешь на меня рассчитывать.

— Ёдемъ, только выйдемъ на главный подъездъ разными путями — я не хочу, чтобъ меня видѣли съ тобою.

— Между тѣмъ другая маска подхватила Калубина.

— Гдѣ твой другъ? спросила она.

— Какой?

— Хильковъ.

— Не знаю — онъ былъ здѣсь недавно.

— Ты живешь съ нимъ вмѣстѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, не совѣтую тебѣ возвращаться домой.

— Отчего? спросилъ, вздрагнувъ, Калубинъ.

— Оттого, что онъ уже все знаетъ.

— Бога ради, будь откровеннѣе.

— Завтра приходи въ Пассажъ на верхнюю галерею — тамъ все расскажу, а теперь прощай! Повторяю, что дома ждутъ тебя большія неприятности.

Маска почти вырвалась отъ Калубина и смѣшалась съ толпою, а молодой человѣкъ остался словно прикованный къ своему мѣсту. По голосу и по акценту онъ догадывался, что говорить съ одною изъ племянницъ Репейкина — и потому для него стало ясно — о чемъ его предупреждали. Онъ охотно дезертировалъ бы съ квартиры, — но всѣ его деньги заперты были въ столѣ, и потому слѣдовало, во что бы то ни стало, ѣхать домой, не теряя ни минуты. Окинувъ взорами залу, онъ искалъ Хилькова. Но, во первыхъ, собралась уже многочисленная публика, а во вторыхъ, у него двоялось въ глазахъ, — и онъ ничего не могъ увидѣть.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже у подъезда, бросился на перваго извозчика и поскакалъ въ карьеръ домой, обѣщая полтинникъ въ Большую Морскую.

Позвонивъ торопливо, онъ быстро вошелъ въ переднюю.

— Дома Алексѣй Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Дома, отвѣчалъ слуга, и васъ ожидаютъ.

Калубину сдѣлалось чрезвычайно незовко, но онъ, какъ могъ бодрѣе, вошелъ въ гостиную. На столѣ лежала маска, вѣеръ и букетъ...

— А! подумалъ онъ — гости, значить, ничего особеннаго.

Въ это это время Хильковъ вышелъ изъ кабинета. Лицо его было мрачно.

— Г. Калубинъ, сказали онъ рѣзко: позвольте васъ спросить — сколько вы взяли съ Серединкина за то, чтобы предать меня?...

— Я, Леша? предать?

— Я васъ спрашиваю, сколько вамъ заплатили или обещали за ваше предательство?

Калубинъ поблѣднѣлъ и не отвѣтилъ ни слова.

— Подлецъ! Ты польстился на шулерскія обещанія...

— Но откуда?

— Ни слова! Я все знаю.

И громкая полновѣсная пощечина едва не сбила съ ногъ Калубина, который, рыва два повернувшись, попытался къ двери.

— Довольно! Это первая пощечина, которую я позволилъ себѣ въ жизни, но, надѣюсь, не послѣдняя, которая наклеила лицо подобнаго тебѣ мерзавца! Вонъ изъ моего дома! Я имѣю полное право обыскать тебя и удержать деньги, которые ты приобрѣлъ цѣною предательства, но я этого не сдѣлаю. Мои деньги помогутъ тебѣ сдѣлаться шулеромъ, и ты самъ навлечешь на себя наказаніе. Эй!

Явился слуга.

— Съ сегодняшняго вечера переѣзжаетъ отъ меня Г. Калубинъ. Завтра придетъ онъ за своими вещами, но послѣ того никогда не принимать этого господина.

Какъ ни былъ озадаченъ Калубинъ, однако въ двери кабинета ему мелькнуло знакомое лицо блондинки.

Когда ушелъ Хильковъ, Калубинъ поспѣшно отправился въ свою комнату, заперъ дверь, осторожно вынулъ изъ стола деньги, взялъ небольшой саквояжъ и черезъ четверть часа оставилъ квартиру Хилькова.

Первая въ жизни пощечина! Дѣйствительно, онъ получилъ первую въ жизни пощечину, которая, однако же, не была послѣднею, потому что съ тѣхъ поръ, на другой же день онъ переселился къ Серединкину и вступилъ въ число шулеровъ, которыхъ всегда было множество въ Петербургѣ.

Недавно какъ-то, прошлою зимою, хоронили одну артистку. Погода стояла мрачная. пыльный гробъ, украшенный живыми цвѣтами, медленно двигался по улицамъ, сопровождаемый огромною толпою изъ разныхъ слоевъ общества. Легкій свѣжокъ набрасывалъ оригинальное покрывало на вѣтки зелени и бѣлыхъ камелій, украшавшихъ траурную колесницу. Похо-

ронная процессія за Главнымъ мостомъ встрѣтилась съ убогими дровнями, тащившими простой гробъ, за которымъ шла, въ оборванномъ салопикѣ, нестарая еще женщина, сохранившая слѣды замѣчательной красоты, но лицо которой выражало не то глубокую скорбь, не то оупѣлое равнодушіе. Возлѣ нея плелся старичекъ въ обтрепанной шинели.

Дровни должны были остановиться, чтобы дать дорогу колесницѣ и всему кортежу.

— А! вотъ и они! сказала блѣдная женщина старичку, когда прошли пѣше и показались экипажи. Вотъ они наши губители...

— Я плохо, признаться, вижу...

— Вы ихъ всѣхъ знали, и я знала... Вотъ Мерзашевскій на парѣ сѣрыхъ — онъ оиуть разбогатѣлъ... Было время, когда онъ цѣловалъ у меня руки, а теперь не узнаеть... Вотъ Репейкинъ — и этотъ живетъ баринномъ.

— А гдѣ же Серединкинъ?

— Въ Сибири.

— Жаль...

— Э, полно! такой же подлець, а, пожалуй, и хуже...

— Ну, тутъ ли хромоногій?

— Какъ же! Этотъ все дарилъ мнѣ собачекъ... А когда заболѣлъ Андриуша, и я попросила десять цѣковыхъ, то велѣлъ выгнать изъ дому... Переломали ноги... и всетаки не покаялся...

— Кто-жь еще идетъ?

— Идетъ и вѣмецъ... и много новыхъ шулеровъ... Скоро ли пронесеть ихъ...

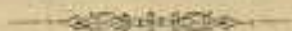
— Погубили Андрея Ивановича... Ахъ, Ольга Максимовна, и моя тутъ вина отчасти... да что дѣлать...

Блѣдная женщина махнула рукою.

— Скорѣе бы уложить его на покой... Я за нимъ сама измучилась, послѣднее прозакладывала. Вѣдь какъ прибили въ послѣдній разъ, полтора мѣсяца не вставалъ съ постели. Мало того, отобрали всѣ деньги не только тѣ, что у нихъ выигралъ, а и его собственныя...

— Съ игроками такъ, Ольга Максимовна... У меня есть три рублика, мнѣ дали сегодня... Будеть чѣмъ помянуть покойника...

Кортежъ, наконецъ, проѣхалъ, и дровни тронулись, влѣдъ за нимъ, по направленію къ Волкову кладбищу.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА АФАНАСЬЕВА

(Чужбинскаго).

Девять томовъ съ портретомъ автора, гравир. на стали, около 300 печ. листовъ въ 8 долю, 4800 страницъ, подъ редакціей П. В. Быкова.

Цѣна 15 руб., для иногородныхъ — 17 руб.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА (Чужбинскаго)

СОДЕРЖИТЬ СЛѢДУЮЩІЕ:

Томъ I.

Предисловіе. — Портретъ съ автографомъ. — Биографическій очеркъ А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), составл. П. В. Быковымъ. — Библиографія сочиненій, его же. — Очерки прошлаго: Изъ корнетской жизни. — Моншеры. — Бурбонъ. — Столица въ Дымогарѣ (Донъ-Жуанъ). — Ираноризикъ Сафлинчиковъ.

Томъ II.

Очерки прошлаго: Ремонтеры прежняго времени. — Одинъ изъ многихъ. — Самодуры. — Дуэлисты. — Городъ Смуровъ. — Конокрады.

Томъ III.

Очерки прошлаго: Фапа. — Безыменные очерки и типы (9 очерковъ). — Чиновникъ. — Провинциальный левъ. — Пылкая ватура. — Маскарадный сирота. — Сосѣдка.

Томъ IV.

Бабушка. — Шесть очерковъ провинциальной жизни. — Забытая исторія.

Томъ V.

Петербургскіе игроки.

Томъ VI.

Рыцари зеленого поля. — Доминиканцы. — Мельница близъ села Воршилово. — Изъ поспоминаній охотника (5 очерковъ). — Перстень. — Раннія произведенія (7 рассказовъ). — Очерки охоты въ Малороссіи. — Лѣто въ Малороссіи. — Голый слуга. — Старинныя малорусскія думы. — Воспоминанія о Шевченкѣ. — Русскій солдатъ (5 рассказовъ).

Томъ VII.

Поѣздка въ Южную Россію. Очерки Дибѣра: Общій взглядъ на бытъ придиѣровскаго крестьянина. — Поѣздка на Дибѣровскіе пороги и Запорожскіе. — Поѣздка по низовьямъ Дибѣра.

Томъ VIII.

Поѣздка въ Южную Россію. Очерки Дибѣра.

Томъ IX.

Стихотворенія: русскія и малороссійскія и словарь малорусскаго нарѣчія.

Цѣна каждаго тома отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Собрание сочиненій Афанасьева (Чужбинскаго) находится въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и

въ конторѣ книгоиздательства ГЕРМАНЪ ГОПЦЕ:

С.-Петербургъ, Садовая № 22.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА АФАНАСЬЕВА

(Чужбинскаго).

Десять томовъ съ портретами автора, гравир. на стали, около 300 печ. листовъ въ 8 долю, 4800 страницъ, подъ редакціей П. В. Быкова.

Цѣна 15 руб., для иногородныхъ — 17 руб.

(Подробное объявленіе см. на внутренней страницѣ обложки)

ИЗЪ ВОШЕДШИХЪ ВЪ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА-ЧУЖБИНСКАГО

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ПРОДАЮТСЯ ОТДѢЛЬНО СЛѢДУЮЩЕ:

Бабушки. Деревенскія сны.
Цѣна 80 коп.

Безыменные очерки. Изна-
чудный офицеръ. Жизнь на ху-
торѣ. Молодые супруги. Портретъ.
Портретъ-фантазія. Дачеротинъ.
Мать. Доктора. Обыкновенный
случай. Цѣна 25 коп.

Безыменные типы. Чино-
вникъ. Провинціальный зевъ. Пыл-
кая натура. Цѣна 40 коп.

Бурбонъ. Изъ «Очерковъ про-
шлаго». Цѣна 40 коп.

Волчья шуба. Разказъ.
Цѣна 10 коп.

Городъ Смуровъ. Разказъ.
Цѣна 30 коп.

Дуэлисты. Разказъ. Цѣна 50 п.

Забытая исторія. Разказъ.
Цѣна 50 коп.

Изъ корнетской жизни. —
Изъ «Очерковъ прошлаго».
Цѣна 20 коп.

Конокрады. Разказъ. Цѣна 25 п.

Маскарадный сирота. —
Разказъ. Цѣна 15 коп.

Моншеры. Изъ «Очерковъ про-
шлаго». Цѣна 60 коп.

Одинъ изъ многихъ. Разказъ.
Цѣна 30 коп.

Очерки провинціальной
жизни. Истинное происшествіе.
Въ саду. Концертъ. Изъ лѣтнихъ
похожденій. Цѣна 60 коп.

Петербургскіе игроки. —
Романъ. Цѣна 2 р.

Препорщикъ Сафьянчи-
ковъ. Изъ «Очерковъ прошлаго».
Цѣна 60 коп.

Ремонтеры прежняго вре-
мени. Разказъ. Цѣна 40 п.

Самодуры. Разказъ. Цѣна 75 п.

Сосѣдка. Романъ. Цѣна 1 руб.

Стоянка въ Дымогарѣ —
(Допл. Жуанъ). Цѣна 75 коп.

Фаня. Разказъ. Цѣна 80 п.

Находится въ продажѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и
въ конторѣ книгоиздательства **GERMANЪ ГОППЕ:**

С.-Петербургъ, Садовая № 22.

Цѣна 50 коп.

2

2007088760